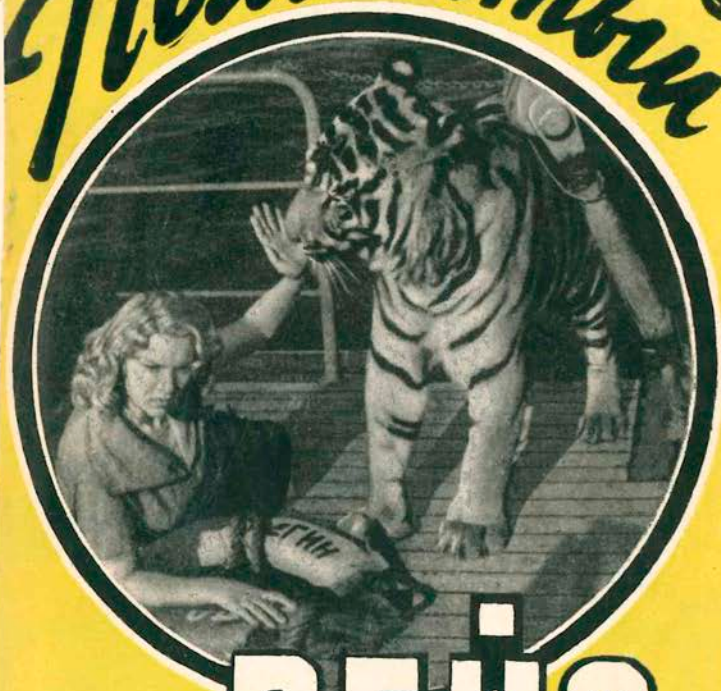

Полосатый

РЕНС

БИБЛИОТЕКА КИНОДРАМАТУРГИИ

*АЛЕКСЕЙ КАПЛЕР
ВИКТОР КОНЕЦКИЙ*

ПОЛОСАТЫЙ РЕЙС

Невероятное кинопроисшествие

*Государственное издательство
«ИСКУССТВО»*

Москва 1961

ирк переполнен. Уже прозвенел звонок, выстроились в две шеренги униформисты, заиграл духовой оркестр. Запоздавшие зрители торопливо пробираются к своим местам.

По опустевшему фойе идут семь моряков. Возле буфетной стойки они задерживаются, и каждый из них здоровается за руку с маленьким толстым буфетчиком. Потом моряки молча проходят дальше. Когда они скрываются за бархатной портьерой, отделяющей фойе от зала, продавщица мороженого с интересом спрашивает:

— Откуда они вас знают, товарищ Шулейкин?

— А кто не знает Шулейкина? — с достоинством отвечает толстяк. — Хочешь верь, хочешь не верь, Шулейкина все знают.

Продавщица — бойкая, курносая девчонка с быстрыми, любопытными глазами — не отстает:

— А почему эти моряки каждый вечер к нам ходят? Неужели им не надоело смотреть одну и ту же программу?

Выстроив на стойке роскошную пирамиду из апельсинов и оглядывая творение рук своих, буфетчик отвечает:

— Эта программа им не надоест. Есть причина.

— А вы ее знаете... причину? А?.. дядя Шулейкин, знаете?

— Шулейкин все знает.

— Вы с ними тут и познакомились?

Шулейкин надменно усмехается.

— Я с ними познакомился пять лет назад в тропическом порту Коломбо.

Он облакачивается о стойку, приготавливая к обстоятельному рассказу.

— Хочешь верь, хочешь не верь, а дело было так...

Цейлон. Порт Коломбо. У раскаленного солнцем причала стоит грузовое судно «Евгений Онегин». Идет разгрузка. Слышатся крики докеров и команды, гул кранов, тархтенье судовых лебедок.

Из трюма медленно поднимается на гаке портального крана голубая «Волга».

Наверху, на палубе, распоряжается боцман. Боцман гол до пояса по случаю тропической жары. На его груди всевозможные тауировки.

— С-под груза уходи! — кричит он вниз. — Я вас прошу, товарищ Сидоренко, не вводите меня в соблазн, я же дал обязательство не допускать выражений! На оттяжке не зевай! — кричит он в другую сторону. — Лево бери!

Возле боцмана останавливается капитан «Евгения Онегина» Василий Васильевич — пожилой моряк с добрым, простодушным лицом.

— Эх, боцман, боцман... — задумчиво говорит он, разглядывая графику на теле боцмана. — Разве вам, боцман, тут место?..

— А где же мне место, товарищ капитан? — с недоумением спрашивает боцман.

— В Третьяковской галерее вам место, товарищ боцман, — вздыхает капитан.

К капитану подходят торговый агент в шортиках, с раздутым, как бурдюк, портфелем и маленький толстяк в черном суконном костюме, при галстукке. Это знакомый нам Шулейкин. С его лица градом катится пот.

— Как бы чего не было... боюсь, как бы чего не было... — стонет Шулейкин, едва поспевая за шустрым агентом.

— Ерунда! — отмахивается тот. — Только не вмешивайтесь. Я сам обо всем договорюсь.

Подойдя к Василию Васильевичу, он бодро рапортует:

— Груз прибыл, товарищ капитан. Можно принимать!

— Вот и отлично, — говорит капитан. — А какой груз?

— Груз палубный, всего двенадцать мест. Документы в порядочке! — Что-то в голосе агента заставляет капитана насторожиться.

— А все-таки, какого характера груз?

Шулейкин тихо говорит агенту:

— Вот узнает он, какой у нашего груза характер...

— Груз как груз! — перебивает агент, бросив на Шулейкина злобный взгляд. — Я же говорю: двенадцать мест!..

С нижней палубы доносится взрыв хохота. Капитан оборачивается.

...Это смеются два матроса и буфетчица Марианна.

— Мотя! Работай! — требует Марианна.

Сидоренко достает из кармана губную гармонику.

— Да у меня еще не выходит... — стесняется Мотя.

Старательно и неуклюже он начинает отбивать чечетку.

Капитан с мостика горестно смотрит на это безобразие.

— Так вы говорите, двенадцать мест? — механически переспрашивает он, но мысли его заняты другим.

...На звук гармоники уже идет старпом. Это мужчина большого роста с суровым и замкнутым лицом, одетый в морскую форму.

— Это что за балаган?! — спрашивает старпом металлическим голосом.

Музыка оборвалась.

— Простите товарищ капитан, — бормочет Мотя.

Марианна тихо говорит Сидоренко:

— Сейчас скажет: «Я уже два года не капитан...»

— Я уже два года не капитан, а помощник, — строго говорит старпом. — Попрошу без заискивания...

— Теперь он скажет: «А вас попрошу в

рабочее время не отвлекать команду...» — шепчет Марианна.

— А вас попрошу в рабочее время не отвлекать команду, — строго продолжает старпом, обращаясь к девушке, — делаю вам замечание...

Матросы поспешно удаляются. Марианна исподлобья смотрит на старпома.

— И потом — что это у вас на голове?

— Обыкновенная прическа, — отвечает Маришка. — Называется «я у мамы дурочка».

— Очень жаль, что форма соответствует содержанию...

Капитан, забеспокоившись, начинает спускаться с мостика.

— Значит, начинаем погрузку? — спрашивает его спину торговый агент.

— Да-да, конечно... — бормочет капитан не оборачиваясь.

Марианна, прикусив губу, слушает старпома.

— Вы сами бездельничаете и другим не даете работать! Если вы племянница капитана, то это еще не значит...

Марианна собирается ему ответить, но старпом, не дав ей ничего сказать, заканчивает:

— И прошу не пререкаться.

— Я еще не пререкаюсь.

— Нет, пререкаетесь. Я по вашему лицу вижу, что пререкаетесь.

— А я говорю — не пререкаюсь.

— Так вот же пререкается.
— Нет, не пререкаюсь.
— Нет, пререкаетесь.
— Товарищ буфетчица! — гремит подоспевший капитан. — Перестаньте пререкаться! Олег Петрович, прошу вас... Сейчас начнется погрузка — приглядите.

— И если вам нравится носить на голове швабру, то при исполнении служебных обязанностей будьте любезны повязывать косынку! — заканчивает свою речь старпом и удаляется размеренным шагом.

Марианна показывает вслед ему «нос», но капитан сердито шлепает ее по растопыренным пальцам.

— Взрослая девушка, а ведешь себя как девчонка... ты должна быть образцом, эталоном...

— По тебе должны равняться... — заканчивает за него Марианна.

— Да, по тебе должны равняться. И можешь меня не передразнивать.

— До чего вы мне оба надоели!.. Все знаю заранее...

— Подумай, Марианна, как ты бессистемно живешь, тебя уже из двух техникумов выставляли!..

— Из трех.

— Вот видишь — из трех.

— И из одного я сама ушла.

— Ужас! Ужас! Твоя мать просила взять тебя в рейс... я думал, море сделает из тебя человека, надо же наконец чем-то заняться всерьез...

— Все мне надоело: и море ваше противное и корабль ваш противный...

— Вот видишь...

— И Олег ваш противный Петрович!

— Ты сама виновата. Олег Петрович строг, но справедлив.

— Он ко мне придирается! Он на меня внимания совсем не обращает!

— Вот ты уже противоречишь самой себе... Маришенька! Умоляю тебя как дядя и капитан: перестань с ним ссориться!.. Одного я хочу: чтобы кончилась эта глупая война между тобой и старшим помощником и чтобы в коллективе наступили мир и тишина... Мир и тишина.

Последние слова капитана покрывает ужающая рев. Вздвигнув, Василий Васильевич и Марианна поднимают головы.

Сверху, на стреле корабельного крана, спускается клетка с тигром. Зверь ревет во всю мочь, а ему вторит множество таких же свирепых глоток.

На причале выстроилось еще одиннадцать клеток.

— Что это? Кто разрешил? — растерянно говорит капитан.

— Вы, товарищ капитан. Как условились — двенадцать палубных мест, — отвечает возникший откуда-то сбоку торговый агент. — Десять тигров и два, так сказать, льва.

— Только диких зверей мне и не хватало! Василий Васильевич в отчаянии хватается за голову.

Отойдя на почтительное расстояние, Ма-

ришка с испугом и интересом рассматривает тигра.

— Какой страшный!.. Елисей Степанович, а он не вылезет? — шепотом спрашивает она боцмана.

— Да ну тебя! Если б вылез — от нас бы тут косточек не осталось. «Вылезет»... скажет тоже...

Очередная клетка плывет по воздуху. Ревет, мечется в ней огромный тигр.

— Майна стрелу! — надывается Елисей Степанович. Исполнительного боцмана не смущает экзотичность груза. — Куда смотри-те? Тигра не видели?.. Вира помалу!

...Торговый агент достает из портфеля документы, разбирает их.

— А если дознаются, что зверей сопровождает не укротитель, а работник пищеблока? — тихо спрашивает его Шулейкин.

— Не понимаю... вы же сами просились вместо заболевшего Зверобоева.

— Просился. Не могу больше. В здешнем климате таю как свеча.

— А я не могу больше держать здесь купленных зверей. Они всю валюту съели. Шутка — лошадь в день на инвалюту! Торгпред разрешил вас отправить, и поезжайте... Не понимаю, что вас смущает?

— Звери меня смущают. Работал я тихо, мирно в торгпредском буфете. Максимальное зверство, с каким я имел дело, — резал любительскую колбасу, и вдруг — тигры... Парадокс.

Подходит капитан.

— Подвели вы меня, товарищ, — говорит он агенту. — Знал бы характер груза, ни за что бы не взял.

— Вот. Попрошу проверить. — Агент достает бумаги. — Тигры, мест — десять... прописью: десять. Львы, мест — два... прописью: два. Клетки, штук — двенадцать... прописью: двенадцать. Мясо, конина. Килограмм — пятьсот... прописью: пятьсот. А вот товарищ Шулейкин — очень опытный укротитель. Он будет сопровождать груз.

Капитан трясет Шулейкину руку.

— Очень, очень приятно. Все-таки с укротителем будет спокойнее.

— За спокойствие не беспокойтесь, — говорит агент.

Внизу, на палубе, появились два синегальца. Они несут на бамбуковой жерди большой и, видимо, тяжелый мешок. С ними рядом идет носатый иностранец.

— Put it down!.. — кричит он синегальцам. Те сваливают мешок на палубу и уходят.

— А это еще что? — встревоженно спрашивает капитан.

— The prize of our company, — говорит носатый важно.

Торговый агент переводит:

— Это как бы премия оптовому покупателю. От звериной фирмы...

— Не понимаю, какая премия? А что там в мешке?

Капитан свешивается через перила, чтобы еще раз взглянуть на премию, но мешок уже исчез.

— Позвольте... А где мешок? Не мог же он сам уйти!..

Оказывается, мешок мог уйти. Неуклюже переваливаясь, он идет по палубе. Мешок уже свернул за надстройку, поэтому собеседники не видят его. Зато его замечает Марианна. Она испуганно вскрикивает — и сразу же все двенадцать клеток откликаются оглушительным ревом. Марианна бросается бежать.

Капитан страдальчески затыкает уши. А мешка уже нет на палубе.

Бегущая в панике Марианна натывается на боцмана.

— Ой!

— Ты чего?... за тигра меня приняла?

— Какой там тигр... я сейчас такое видела...

— Какое такое?

— Страшное, большое... само ходит...

— Ты чего плетешь, девка? Человек, что ли?

— Нет, не человек.

— Животное?

— И не животное.

— А что же это?..

— Не знаю... такое круглое... само ходит... — таинственно говорит боцману Маришка. — Само ходит... понимаете?... Как привидение...

— Ври больше, — сердится боцман. — Нет, Маришка, жидковатая у тебя душа!

Страница вахтенного журнала грузового судна «Евгений Онегин». Четкая запись:

«Возвращаемся из Коломбо в Одессу. На судне отмечены совершенно необъяснимые, таинственные явления, а именно...».

Мы не успеваем прочитать, какие именно, кто-то опрокидывает чернильницу прямо на журнал. На месте записи — черная лужица.

— Кто пролил чернила на вахтенный журнал? — слышен голос старпома.

Как всегда, строгий и подтянутый, он входит в рубку и останавливается над залитым чернилами журналом:

Олег Петрович оглядывается: в рубке никого нет.

— Мистика...

Нахмурившись, старпом берет ручку и, осторожно макая перо в лужицу, пишет в графе «случай»:

«Происшествия продолжают. Злоумышленно поврежден вахтенный журнал. Утром похищен личный хронометр старшего помощника капитана...».

Океан. Плывет «Евгений Онегин».

Кают-компания. Моряки собрались обедать. Сидоренко разливает борщ по тарелкам.

— Все-таки, товарищи, на корабле происходит что-то необъяснимое, — говорит капитан, расхаживая по кают-компании. — Я не верю в мистику, но этот исчезнувший мешок, эти таинственные пропажи — то у матроса исчезает тельняшка, то пропадает хронометр

у старшего помощника, то какая-то тень появляется на полубаке, то из закрытой чернильницы льются чернила на журнал. Могу поклясться, что меня ночью кто-то тянул за волосы... Что это такое?.. Неужели не прекратятся эти чудеса?

Вдруг раздается мычание: Мотя, взяв в рот ложку борща, мычит, вытаращив глаза, затем запускает в рот пальцы и, к изумлению окружающих, вытаскивает на свет какой-то металлический предмет.

— Гайка!..

— И у меня гайка!.. И у меня... — раздаются встревоженные голоса.

— А у меня болт, — мрачно заключает Митя Кныш.

— Ну, все. С первым блюдом покончено, — говорит Сидоренко. — Хоть бы второе оказалось съедобным.

Моряки мрачно сидят за столом. Кто подпер печально голову рукой, кто, не надеясь на лучшее, ест хлеб, кто нервно постукивает ножом по столу.

— Где же наше второе?..

— За смертью ее посылать, — угрюмо ворчит Кныш.

Капитан взрывается:

— Буфетчица!..

Из камбуза появляется Марианна. Прическа, которая так не нравилась старпому, убрана под косынку. В руках у девушки блюдо с сосисками, накрытое металлической крышкой.

Слышен крик капитана:

— Буфетчица!

Марианна направляется к кают-компании, но останавливается. Ей надо пройти по коридору, который образовали клетки с тиграми, а это очень страшно.

— За что мне такие мучения? Целый день ходить мимо этих чудовищ! — говорит Марианна.

Завидев ее, звери перестают рычать. Они кидаются к решетке, пытаются протиснуть сквозь прутья свои усатые морды, протягивают лапы и не спускают с девушки глаз.

Но Марианна стоит, боясь тронуться с места.

Снова слышится возмущенный голос капитана:

— Буфетчица! Марианна!..

...Решившись, Марианна наконец робко ступает в проход между клетками. Со страхом оглядываясь вправо и влево, девушка идет сквозь строй тигров.

Чтобы задобрить зверье, она снимает никелированную крышку с блюда и кидает сосиски в протянутые сквозь прутья лапы, в раскрытые тигриные пасти.

Вот она доходит до конца страшного коридора и, пулей выскочив из него, добирается до кают-компании.

— Что у нас сегодня на второе? — злое спрашивает старпом.

— Сосиски, — отвечает Маришка.

Снимает крышку и осекается: на блюде осталась одна-единственная сосиска.

— Почему вы говорите о ней во множественном числе? — спрашивает капитан, поднимая сосиску с блюда.

— Товарищи, кушайте борщ, — жалобно просит Марианна, — очень вкусный борщ сегодня...

— Борщ несъедобен! — фальцетом кричит капитан. — В нем скобяные изделия! Гайки и контргайки!..

— Не может быть, — пугается Марианна.

Она вертит половником в кастрюле и вдруг извлекает из борща часы на длинной цепочке.

— Часы... — удивленно тянет девушка.

— Это не часы, это мой хронометр, — констатирует в наступившей тишине старпом.

Он брезгливо берет хронометр и открывает крышку. Из хронометра льется борщ.

— Олег Петрович! Вы не скажете, который час? — с невинным видом спрашивает Марианна.

— Час?.. — сдерживая бешенство, отвечает старпом. — Вас интересует час?.. Самое время вас, простите, выпороть... извините за выражение.

И старпом выходит из каюты, прямой и высокий, как мачта.

— Марианна, Марианна...

Покачивая головой, капитан уходит вслед за старпомом.

— Чего они к ней пристают? — говорит Мотя. — Не Марианна же гайки в борщ бросала...

— Дела... — вздыхает матрос Кныш. — А может, диверсант на судне?

— Все может быть, — философски соглашается механик.

Он смотрит на блюдо: там лежит забытая всеми одинокая сосиска. Вдохнув, механик берет ее и отправляет в рот.

Каюта старпома. Никого нет. На столе лежит разобранный хронометр.

Стук в дверь, и голос Марианны:

— Товарищ старпом! Можно у вас прибрать?

Не дождавшись ответа, Маришка входит. При ней ведро, тряпка и веничек. Она старательно поправляет книги на полке, смахивает несуществующую пыль с маленького глобуса.

Рядом лежит фуражка старпома. Девушка надевает ее на глобус — фуражка прилась в пору.

— Здравствуйте, Олег Петрович! — серьезно говорит Маришка.

Она сдвигает фуражку на глобусе немного набекрень.

— Так вам лучше... Посмотрите, Олег Петрович, как я хорошо прибираю...

Она протирает дверцу зеркального шкафа.

— А вы все время меня обижаете...

Критически разглядывает свое отражение в зеркале.

— Неужели правда, из меня никогда не выйдет толк? — Маришка усмехается: — Вот возьму и стану знаменитой художницей.

Куском розового мыла, взятым с умывальника, она рисует на зеркале большое сердце,

а куском голубого — стрелу. Потом влажной тряпкой стирает рисунок.

— Ничего вы не понимаете, — ласково говорит Марианна глобусу. — Поэтому я вам и держу... то есть дерзю... или дерзаю?.. Как надо сказать?.. Молчите?.. Поэтому же! Я ведь сейчас могу сделать с вами, что хочу. Захочу — щелкну по носу...

Она легонько щелкает по Южной Америке.

— А захочу — вскружу голову!

Она и в самом деле крутанула глобус. Фуркажка после нескольких оборотов сползла, и голубой шарик потерял сходство со старпомом.

Марианна забирает свои принадлежности и, вздохнув, идет к выходу.

На белую стенку каюты из иллюминатора падает зловещая черная тень. Марианна оборачивается, но тень уже исчезла.

В последний раз оглядев каюту, девушка говорит:

— Морской порядок.

Закрывает за собой дверь. И в тот же момент в иллюминатор просовывается грязная лохматая швабра.

Выйдя из каюты, Марианна сталкивается с Мотей и Кнышем.

— Кто взял швабру?! — кричит матрос. — Маришка, ты?

— И не думала.

— Ведь только на секунду отвернулся! — Кныш уносится дальше, бормоча: — Нет, это точно!.. Диверсант... диверсант работает...

Старпом направляется к своей каюте.

— Что вы здесь стоите? — неприязненно спрашивает он.

И девушка сразу ошетинивается:

— Уборку у вас делала. Что, нельзя?

Старпом, не ответив, проходит дальше. Распахнул дверь своей каюты... и замер на пороге. Можно подумать, что в каюте произвели атомный взрыв. Все раскидано, разбито, перепачкано.

На полу валяется раздавленный глобус.

— Спасибо за уборку... — говорит старпом, обернувшись вслед Марианне.

Перед клетками сгрудились моряки. Шулейкин укрепляет на фальшборте какой-то плакат.

Между Мотей и Сидоренко сидит задумчивая Марианна.

— Мне, товарищи, поручено провести информацию о тиграх, — грустно говорит Шулейкин. — А также инструктаж по технике безопасности.

— Товарищ укротитель! — спрашивает Маришка. — А вы можете укротить мышь?.. В кладовке живет мышь, туда ходить страшно.

— Мышь — мелкий хищник, — отвечает Шулейкин. — А я работаю по крупному.

— Вы объясните, — обращается к нему восторженный Мотя, — как вы в себе воспитали такую смелость?

— Товарищи, кончайте базар и глупые вопросы! — рявкает боцман.

А Шулейкин уже разворачивает свой плакат.

— Здесь я, товарищи, нарисовал, как умел, тигра в разрезе.

«Тигр в разрезе» почему-то поделен на неравные доли, обозначенные номерами.

— Вот это у него кострец... А здесь — огузок... Здесь подбедрок, — поясняет Шулейкин. — А вот ливер, голье, вымя... Короче сказать, сбой...

Боцман, сопя, записывает эти сведения в тетрадопку. Марианна смотрит на укротителя с подозрением.

В каюту капитана входит старпом. Он кладет на стол лист бумаги.

— Или я, или она! — отчеканивает железный моряк.

— Олег Петрович, дорогой... Что опять случилось?

— Там все написано... Или я, или она. Или она, или я.

Информация о тиграх продолжается.

— Тигр ведет очень хищный образ жизни, — рассказывает Шулейкин. — Живет в дремучих джунглях...

— А чем он там питается? — интересуется кок Филиппыч.

— Могу ответить, — говорит Шулейкин, роясь в портфеле.

Он сверяется с листком, озаглавленным «Рацион кормления», и объявляет:

— Два дня конина, третий день говядина. И рыбий жир — для витаминов.

— А я читал, что он человеческими жертвами питается, — замечает боцман.

Укротитель соглашается:

— Не без этого. Когда кончается конина и говядина, чем же ему питаться? Вот он и ест человека.

— А почему они на Маришку не рычат? — спрашивает Сидоренко. — Я сколько раз замечал! Что, у ней группа крови с ними одинаковая?

— Не рычат, потому что они укрощенные. Лично мною. Вот этот, к примеру... Не тигр — овечка!

Именно в этот момент «овечка» с громоподобным ревом кидается на решетку, стараясь достать укротителя лапой.

Жалобно пискнув, Шулейкин загораживается портфелем.

Марианна тоже испугалась. Она зажмурилась и даже закрыла глаза ладонями.

На ее плечо ложится чья-то рука. Девушка открывает глаза и видит перед собой разгневанного капитана и угрюмого старпома.

Василий Васильевич оттаскивает племянницу в сторону. Клопоча от ярости, он говорит:

— Кончено!.. Мое терпение иссякло. Я отдаю тебя под суд!

— За что, дядя? — испуганно спрашивает Маришка.

— Я тебе больше не дядя! — трагически говорит он. — Теперь я знаю, кто творит все

безобразия на судне! Вот рапорт старшего помощника.

— Дядя, честное слово, я ничего не делала!

— Я не дядя...

— А я ничего не делала.

Олег Петрович не выдерживает:

— А кто устроил погром в моей каюте? Тоже не вы?

— Не я!..

— А кто же? Кто? Скажи — кто?! — топает ногами капитан. — Кто? Кто? Кто?..

И вдруг откуда-то сверху на притеснителей Марианны обрушивается пенистая и шипящая струя. Белые кителя капитана и старпома мгновенно становятся рыжими.

На капитанском мостике с огнетушителем в руках стоит и корчит мерзкие рожи шимпанзе. На обезьяне Мотина тельняшка, но штанов она, видимо, не достала, и нижняя половина туловища у нее голая.

— Вот кто! Вот кто! — кричит Марианна. — Вот кто делает все гадости... А вы меня!..

— Кто пустил макаку на судно?! — орет боцман.

— Какая же это макака? — резонно возражает механик, что-то жуя. — Это обезьяна, типа шимпанзе.

Обезьяна еще раз полоснула струей по всем присутствующим, бросила огнетушитель и одним скачком очутилась на шлюпбалке.

К капитану наконец вернулся дар речи.

— Немедленно поймать!.. Обезьяна на судне страшнее динамита!..

С криком, с гамом моряки гоняются по палубе за обезьяной. У нее через плечо, как у старьевщика, висит полосатый пестрый мешок — тот самый, в котором ее принесли на «Онегина».

— Сей момент поймать! — выслуживаясь, кричит боцман капитану.

Боцману действительно чуть было не удалось схватить шимпанзе. Но обезьяна вывернулась, взлетела на стрелу крана и скрылась в неизвестном направлении. А в руках у боцмана остался только полосатый мешок.

— Вот она — премия фирмы! — горько говорит капитан, разглядывая трофей. Он поворачивается к Шулейкину. — Товарищ укротитель, вы бы изловили ее! Это все-таки по вашей части!..

Обезьянами не занимаюсь! — презрительно отвечает Шулейкин, — мне подайте тигра, льва, в крайнем случае волка. Ну, могу еще в виде исключения взяться за крокодила. Но макака...

— Жаль, — вздыхает капитан. — Олег Петрович! Продолжаем ловлю. Нужно ловить организованно. Без системы в жизни ничего не добьешься. Значит, так: половина команды под началом старшего помощника гонит обезьяну по левому борту, вторая половина под командой механика — по правому борту, а я пойду по центру. Таким образом, обезьяна стратегически неизбежно попадет через

этот люк вот туда — в трюм. Ясно? Боцман и кок, приготовьтесь в трюме с брезентом, и как только макака упадет сверху, вы ее... хлоп! Ясно? Прошу всех строго соблюдать систему. Никаких отступлений. Вы ее оттуда, вы отсюда, а я по центру, а они — хлоп! Берите брезент... начали!..

Обнаруживает обезьяну сам капитан. Она притаилась за грузовой лебедкой.

— Вот она! Вот! — вопит капитан, бросаясь к лебедке.

Обезьяна ракетой взвизгивает над палубой. При этом она наступила на пускатель и включила лебедку. Затарактел мотор.

— Лови ее! Держи! — кричит капитан, не замечая, что по палубе мимо него ползет, извиваясь, трос лебедки. Он цепляет капитана за щиколотку и неумолимо тянет за собой.

Василий Васильевич прыгает на одной ноге, балансирует, размахивая руками, но лебедка делает свое дело: проскользив по палубе несколько метров, капитан с грохотом проваливается в люк.

— Хлоп! — раздается крик снизу. — Поймали! Ура!

Вдоль другого борта идет с дозором Олег Петрович.

— Поймали! Поймали! — доносится до него торжествующий крик. Старпом оборачивается.

Из трюма на палубу, пыхтя, вылезают

боцман и кок. Они волокут свою жертву, закутанную в большой брезент.

Со всех концов сбегаются моряки.

— Она сверху как сиганет! — взволнованно рассказывает боцман. — А мы ее ка-ак — хлоп! Точно, как приказал кэп! Правда, без системы ничего в жизни не поймаешь. Ну, ты... — боцман поддает мешок ногой, — тихо сидеть! Вот придет капитан, он тебе покажет, как гайки в борщ сыпать... Сиди, кому говорю... — и боцман еще раз толкает бунтующий мешок ногой.

Вдруг раздается оглушительный, надсадный гудок. Боцман поднимает голову и от неожиданности даже приседает.

На рычаге паровой сирены висит шимпанзе.

Из-под крышки клапана сирены, шипя и свистя, вырывается пар.

Сирена надрывается, и, вторя ей, режут десять тигров и два льва...

Боцман и кок с ужасом глядят то вверх, на обезьяну, то друг на друга.

— Что же мы поймали? — наконец спрашивает кок.

— Шевелится... — с мистическим ужасом, глядя на барахтающийся брезент, произносит боцман.

Их обступают подошедшие с двух сторон остальные «охотники» за обезьяной.

— Открывайте, посмотрим, что там такое, если это не обезьяна, — говорит старпом.

— Осторожно... — вдруг оттуда что-нибудь такое выскочит...

— А если диверсант?

— Или мина замедленного действия?..

Боцман и кок опускают брезент и отскакивают в стороны. Из-под брезента, разумеется, вылезает полузадушенный капитан.

— Неужели это вы?..

— Какая досадная ошибка!

— А мы так все аккуратно, по системе...

— Идите вы к черту... — огрызается капитан.

Гудок умолкает. Обезьяна убежала.

Ожидая указаний, команда смотрит на капитана.

— Гм... боцману и повару за энергичные действия при поимке гм... обезьяны... объявить благодарность в приказе, — говорит он, отдуваясь. — Хотя, между прочим, можно было ногой и не того...

— Так я же не вам, а обезьяне поддал, товарищ капитан, — отвечает боцман.

— И обезьяне незачем было поддавать.

— Виноват, товарищ капитан!

Рабочий день окончен. Марианна несет кофе в капитанскую каюту.

В каюте тихо жужжит вентилятор. Василий Васильевич на койке. Голова его обвязана полотенцем — было от чего разболеться капитанской голове.

— Ну что? — говорит Марианна. — Я была виновата? Я?.. А еще рапорты пишут.

Василий Васильевич страдальчески морщится.

— Не ты, не ты... — Он снимает телефонную трубку, спрашивает: — Как там макака? Не обнаружена?

Выслушав ответ, судя по выражению его лица отрицательный, капитан снова откидывается на подушку.

— А что касается рапорта, да, Олег Петрович ошибся. Но ты сама его довела!.. Это же прекрасный человек, дисциплинированный работник. Не понимаю, за что ты его так не любишь?

— Какие вы все глупые, — сердится Марианна. «Не любишь», «не любишь»... Да кто тебе сказал, что я его не люблю?! — кричит она с неожиданной горячностью.

И тут, осененный догадкой, капитан приподнимается на постели.

— Постой... Так неужели ты его...

— Да! Да! Да!

— А он об этом даже и не?..

— Не! Не! Не!

Маришкино признание не сразу укладывается в голове капитана. Он продолжает попытаться:

— Так, значит, все твои дерзости — это из-за?..

— Из-за! Из-за! — со злостью кричит Маришка.

Капитан встает и начинает взволнованно расхаживать по каюте. Он повторяет в разных интонациях:

— Любовь... любовь... гм... любовь... любовь... Нет, я сойду с ума! Любовь... Вы только подумайте — любовь... У этой девчонки

любовь?!.. У этой пигалицы, которая не может даже решить, чем в жизни заняться, и только знает, что высмеивает достойных товарищей... Просто смешно...

Капитан останавливается перед племянницей.

— Да знаешь ли ты, что такое любовь? Любовь — это чудо. А ты разве способна на чудо? Ты, милая, только на чудачество способна. Вот что... Любовь облагораживает человека. Любовь может заставить броситься в огонь. Ну, скажи честно: ты готова броситься в огонь?

— Кажется, нет, — уныло признается Марианна.

— Вот видишь! — торжествуя говорит капитан. — Так я и думал. А говоришь — любовь... Любовь коня на скаку остановит, в горящую избу войдет... Скажи честно: ты войдешь в горящую избу?

— Что я, ненормальная, что ли?

Марианна готова расплакаться.

— Ну, вот... — капитану становится ее жалко, — ты не унывай, Маришка. Не все рождаются героями. Но тогда хоть постарайся стать просто человеком. Выработай в себе систему. Перестань насмешничать. Постарайся завоевать его уважение. Будь аккуратна, трудолюбива...

Василий Васильевич показывает на шеренгу строгих черных книг.

— Вот стоят великие педагоги — Ушинский, Макаренко, Песталотти... Они смотрят на тебя с надеждой!

— Я постараюсь, дядя, — серьезно говорит Марианна.

Олег Петрович возвращается в свою каюту.

Он толкает дверь и застывает в изумлении. Многострадальный глобус опять валяется на полу, а на столе, со старпомовской трубкой в зубах, сидит шимпанзе.

Шагнув в каюту, старпом прикрывает дверь.

Но обезьяна и не думает убежать — она пришла сюда отдохнуть от дневных трудов. Вынув обслонявленную трубку изо рта, зверек дружелюбно протягивает ее старпому.

— Нет уж, спасибо, — говорит Олег Петрович. — Оставь себе.

Достает из кармана другую трубку, садится и закуривает.

— А ты знаешь, что тебя приказано утопить? — спрашивает он.

Легкомысленная обезьяна вместо ответа становится на голову.

Олег Петрович задумчиво пускает клубы дыма.

— Что же мне делать с тобой, приятель?

Стук в дверь кладет конец его раздумьям.

Старпом хватается обезьяну за шиворот, засовывает в платяной шкаф и закрывает дверцу.

Затем, поставив глобус на место, говорит своим обычным бесстрастным голосом:

— Войдите.

Входит капитан.

— Я, Олег Петрович, все думаю об этой проклятушей обезьяне. Где ее искать?

— Искать ее больше не надо, — отвечает Олег Петрович, — я ее поймал и выкинул за борт. Согласно вашему приказу.

Капитан смотрит на старпома с ужасом и уважением.

— Да... Вы действительно железный человек. А вот я бы, наверное, дрогнул... Ну, бог с ней. Забудем ее, как кошмарный сон.

И вдруг челюсть капитана отвисает. Зеркальная дверца шкафа отошла, и на Василия Васильевича пялится шимпанзе в таком же, как у капитана, белом кителе и морской фуражке.

Не веря своим глазам, капитан поворачивается к старпому.

— Олег Петрович... Что это?

Но старпом уже успел ногой закрыть дверцу.

— Это зеркало, — говорит он.

Действительно, капитан видит зеркало и свое отражение в нем.

— Гм... — произносит он, — мне показалось, что у меня какое-то странное выражение лица и что я не брит.

Капитан озабоченно проводит рукой по щеке.

— Странно... Так вот, я хотел поговорить с вами о вашем рапорте. Теперь, когда установлено, что хулиганила на судне покойная макака, а не Марианна...

Марианна подходит к каюте старпома, неся перед собой на деревянных плечиках свежевыглаженный китель. Она уже собиралась постучать, но, услышав свое имя, решает послушать дальше.

— Ну и что? — доносится вопрос из-за двери. — Не извиняться же мне перед ней!

— А почему бы и нет? Девочка очень старается быть хорошей...

За дверью Маришка энергичным кивком подтверждает правильность этой характеристики.

Капитан продолжает:

— Я видел, она вам китель постирала и погладила.

— Извиняться перед девчонкой? Ну, нет, ни одна женщина никогда этого не дожидется. У меня есть принципы. Я презираю женщин.

— Но это ужасно, — говорит огорченный капитан.

— Я имею основания. — Старпом встает. — Вы говорили, что обезьяна на судне хуже динамита... А женщина на судне хуже обезьяны. Словом, извиняться перед девчонкой не хочу, не могу и не буду.

Он открывает перед капитаном дверь, и не успевшая отскочить Марианна получает дверью по лбу.

— Извините, — машинально говорит старпом.

Маришка смотрит на него с ненавистью. Потом, безжалостно скомкав китель, кидает его на пол, к ногам старпома.

— Я вам китель принесла!

Вечер. На корме «Евгения Онегина» на фоне роскошного тропического заката драит палубу матрос Мотя. Рядом стоит Маришка.

— Мотя, ты мне друг? — спрашивает она.

— Нет, Марианна Андреевна. Я не друг, я влюбленный.

— Ну, тем лучше, — соглашается девушка. — А ты знаешь, что такое любовь? Ты можешь броситься в огонь?

— Могу, Марианна Андреевна.

— А коня можешь остановить на скаку?

— И коня могу, Марианна Андреевна. Только прикажите. Любое доказательство представлю.

— Вот и представь. Отомсти за меня одному человеку.

— За вас? Пожалуйста. Пусть это будет хоть сам председатель судкома. Говорите — кому?

Двенадцать звериных глоток рыком возвещают о появлении старпома.

Олег Петрович неторопливо идет по мокрой палубе. Вот проверил найтовы у шлюпки. А вот провел рукой по поручням — нет ли грязи и ржавчины.

Марианна молча показывает Моте пальцем на широкую старпомовскую спину. Мол, вот кому нужно за нее отомстить. Мотя так же беззвучно ужаснулся и замотал головой.

Старпом уходит, оставляя на сухой стороне палубы цепочку влажных следов.

— Ну нет, кому хотите, только не железному моряку. Я его очень уважаю. Это знаете какой человек? Что ни скажет — закон. Никогда не ошибается.

— Но он сказал, что я хуже обезьяны! — вызывает Марианна к Мотиному сочувствию.

— Ну, может быть, на этот раз он немного ошибся... — Мотя оставляет швабру. — Марианна Андреевна! Я вас больше жизни люблю. Я часто мечтаю, чтобы на вас кастрюля с горячими щами вылилась!

Девушка недоуменно глядит на него.

— А я бы вам тогда свою кожу отдал для пересадки. Как в газетах пишут, — объясняет Мотя. — Все для вас сделаю, но против железного моряка не пойду!..

Марианна обиженно отворачивается. Она смотрит на отпечатки башмаков, оставленные Олегом Петровичем, и, подражая выправке старпома, идет, ступая в оставленные им мокрые следы. Для этого Марианне приходится делать огромные, нелепые шаги.

Пройдя немного, она, все так же передразнивая походку старпома, возвращается обратно. Ее глаза весело блестят.

— Ну и не надо мне от тебя ничего, — говорит она Моте, — и кожу свою можешь при себе оставить. Я без тебя придумала, как отомстить этому черствому, бездушному типу.

Каюта старпома. Олег Петрович беседует с «подпольной» обезьяной. Они сидят за столом друг против друга.

— ...Задал ты мне задачу... — задумчиво говорит старпом, пуская изо рта замысловатые кольца дыма. — Если узнают, что я тебя приютил, конец моему авторитету, понимаешь? Я строгий человек, железный человек. Меня боится и уважает вся команда — и вдруг... А как будет злорадствовать эта девчонка, которую я ненавижу. Ненавижу? Ненавижу. Ты что на меня так смотришь? Не веришь? А я говорю — ненавижу. Гм... ненавижу? Ненавижу, определенно ненавижу... Так вот, чтобы тебя не обнаружили, дверь будет всегда закрыта, и ты открывай только мне. На три стука. Понял?

Он стучит в дверь три раза, и шимпанзе с готовностью становится на голову.

— Ну нет, не совсем то... Вот смотри, — втолковывает старпом, сопровождая свои слова действиями. — Три удара в дверь... Я тяну задвижку... И получаю кусок сахара. — Он кладет себе в рот кубик сахара. — Теперь давай ты.

Олег Петрович снова стучит условным стуком, и на этот раз обезьяна открывает задвижку.

Старпом дает ей сахар, и в этот момент раздается негромкий стук в дверь. Обезьяна бросается отворять.

— Ты что, до трех считать не умеешь? — шепчет старпом, с трудом удерживая ее. — Это чужой!.. Сгинь!

Шимпанзе кидается на постель и с головой накрывается одеялом.

Олег Петрович открывает дверь.

В коридоре пусто. Глухая ночь. Только тарахтит машина да покачивается судно.

Старпом хочет уже закрыть дверь — и вдруг застывает на месте. Он видит на полу возле своей каюты четкие следы тигриных лап.

В конце коридора неясный шум. Старпом вздрагивает. Он снимает с пожарного стенда топорик и осторожно идет по следам. Они выводят на палубу...

Ночное море вокруг.

Старпом крадется все дальше. Следы кончаются у клеток с тиграми. Олег Петрович считает зверей. Все на месте. Он ощупывает задвижки... Все нормально. Но на обшивке палубы явственно чернеют тигриные следы.

— Мистика! — растерянно шепчет старпом.

Запись в журнале:

«Снова начались таинственные происшествия. Ночью по судну ходил тигр. Видны следы. Человеческих жертв пока нет. За необеспечение безопасности старпому объявлен строгий выговор».

Маришка стоит у борта, подставив лицо солнышку, и чему-то загадочно улыбается.

Дверь камбуза распаивается, и в облаке пара появляется кок.

— Маришка! Ступай в кладовку, мне перец нужен!

— А мышь? — жалобно говорит Марианна.

— Давай, давай! На полусогнутых! — и Филиппыч скрывается в камбузе.

...Марианна приоткрывает дверь кладовки. Точно: в луче света, клином упавшего на пол, сидит мышенок и с интересом смотрит на девушку.

— Брысь, брысь, я тебя прошу... — уговаривает Марианна.

Но мышь направляется в ее сторону.

Девушка с визгом выскакивает из кладовки и захлопывает за собой дверь.

— И чего она ко мне лезет? — жалуется Маришка матросам, которые неподалеку плетут маты. — Она по ночам ко мне в каюту приходит. Вчера под одеяло залезла. Мотя, сходи за меня в кладовку.

— Иди, не опасайся, — говорит Сидоренко, ухмыляясь. — Нету уже там мыша. Я позаботился.

— Нет, есть! Я видела.

— И чего ты их так боишься? — говорит Сидоренко. — Не стыдно тебе?

— Нисколько... Я, когда маленькая была, никого не боялась. Ни лошадей, ни собак, ни коров... и они меня не трогали и сами все за мной ходили. У меня даже лисенок жил... А как выросла, стала бояться... Мотя! Ну сходи...

Мотя поднимается.

— Вообще-то я тоже мышей не уважаю... Но, — заканчивает он, понизив голос, — чего для вас не сделаешь!.. я на все готов...

...Он осторожно открывает дверь в кладовку.

— Выключатель слева, — шепчет Маришка. Что-то щелкает. Вскрик. Снова щелчок, и снова вскрик, даже стон.

— Ой! Что там?

Мотя появляется в дверях. На его ноге зашелкнувшаяся мышеловка, на руке — тоже. Он поворачивается, чтоб захлопнуть дверь, и мы видим, что на тыльной стороне Моти тоже висит большая крысиная западня. Но в свободной руке храброго матроса трофей — банка с перцем.

— Откуда там мышеловки? — удивляется Марианна.

— Я поставил, — говорит Сидоренко. — Только я их не на Мотю, а на мыша ставил.

Он отцепляет от дружка капканы. Марианна берет у Моти перец.

— Спасибо, Мотенька... А за твоё героичество я тебя поцелую в лобик.

На мостике — капитан и старпом. Старпом смотрит в бинокль. Но обозревает он не морские дали: бинокль наведен на Маришку. Тем временем капитан размышляет вслух.

— По возвращении в Одессу я буду ходатайствовать о том, чтобы вам вернули звание капитана. Как вы на это смотрите?

В бинокль видна — возмутительно крупным планом — Маришка, целующая Мотю в лоб.

— Я на это смотрю крайне отрицательно, — машинально говорит старпом и опускает бинокль. — Простите, что вы сказали?

Но в этот момент раздается дикий крик:

— Полундра!

И опять:

— Полундра!

На досках палубы четкие следы тигриных лап. Совершенно белый от волнения, второй помощник капитана показывает на них пальцем. Сбегаются моряки. Полное остолебенение, ибо клетки заперты и все звери на местах.

Трясущийся Шулейкин опускается на колени, всматривается, зачем-то трогает следы пальцем, бормочет, заикаясь:

— А может, это не тигриный след...

— А чей? — спрашивает подоспевший капитан. — Человечий?

Шулейкин затравленно озирается. Вдоль печки тигриных следов, задрав хвост, идет по палубе полосатый котенок. Шулейкин показывает на него дрожащим пальцем.

— А может быть...

— Не стройте из себя дурачка! — гремит старпом. — Кто вам позволил выпускать тигров из клеток?

— И зачем? Пусть он скажет зачем? — кипит капитан.

На лице Шулейкина отчаяние. И вдруг он выпрямляется, гордо выпячивает грудь и сжимает кулаки. Терять ему больше нечего.

— Да, — говорит он с достоинством. — Я это делаю! Каждую ночь.

Жуткая тишина. Шулейкин наслаждается ею.

В глазах у Маришки подозрительно веселые искорки.

— Да, товарищи! — говорит Шулейкин. —

Тиграм надо гулять. Чтобы у них не было рахита. И ночью я их пасу... все равно у меня бессонница. Вот и все.

— Все? Нет, не все! — взрывается капитан. — Если вы еще раз выпустите их, я... я посажу вас в цепной ящик! Поняли? В ящик, где хранятся якорные цепи!.. Боцман!

— Есть!

— Позаботьтесь, чтобы укротитель спал по ночам без просыпу! Под вашу ответственность!.. А вам, Олег Петрович, строгий выговор с занесением в личное дело. На судне пасутся тигры! Зоопарк!

Оскорбленные тигры хором заревели в своих клетках. Капитан заткнул уши и пошел прочь.

Он поднимается на мостик и вздрагивает. И здесь перед ним четкий отпечаток тигриной лапы.

Остатки капитанских волос поднимаются дыбом.

На мостик пыхтя всходит толстяк Шулейкин. У него под одной рукой свернут матрац, в другой чемодан.

— Я все осознал, — бормочет Шулейкин. — Я готов понести кару... Посадите меня под арест, до самой Одессы!.. Куда садиться? Где он, ящик?

— Убирайтесь вон вместе с вашими тиграми, — кричит капитан тонким голосом и хватается за сердце.

Страница вахтенного журнала судна «Евгений Онегин».

Чья-то рука пишет: «Таинственные следы продолжают появляться. Отказались выйти на вахту три кочегара; они утверждают, что видели ночью тигра, который смеялся, как человек. Старпому объявлен еще один строгий выговор с предупреждением!»

Олег Петрович залез под чехол лебедки недалеко от клеток со зверями. Железный моряк в засаде.

...Глухая ночь. Сильная качка. Летят брызги из-за борта, гуляет ветер. И вдруг старпом видит смутную тень. Тень четырехного и бесшумна. Держа в руке пожарный топор, старпом, крадучись, вылезает из укрытия. Тень хихикает женским голосом. Старпом насто-рожился, смотрит...

По палубе «Евгения Онегина» вышагивает на четвереньках Маришка. На ее руках и ногах сшитые из тряпья подушечки, имитирующие тигриные лапы.

Старпом идет за ней, наблюдая, как появляются на палубе страшные когтистые следы.

— Товарищ буфетчица, потрудитесь принять вертикальное положение! — металлическим голосом произносит Олег Петрович.

— Ой! — Маришка выпрямляется.

— Да... — устало говорит старпом. — Этого я не ожидал даже от женщины.

В этот момент судно накренилось и Маришка бросило прямо на грудь железному моряку.

— Соблюдайте дистанцию! — морщится он.
— Это не я!.. Это качка!..

Олег Петрович показывает на лжетигриные следы:

— Зачем вы это делали?

Бесстрастный голос старпома выводит Маришку из себя.

— Потому, что я вас терпеть не могу! Потому, что вы отравитель всей моей жизни! Потому, что вы... — она останавливается, задыхнувшись от ярости. — И делайте со мной что хотите! Можете бросить за борт, как мартышку бросили! Вы на это способны.

Качка снова кидает ее в объятия Олега Петровича. Стараясь удержаться, девушка упирается ему в грудь рукой, и на белом кителе старпома отпечатывается черный тигриный след.

Пауза. Враги стоят, в упор глядя друг на друга. Кажется, вот-вот произойдет что-то страшное.

— Вот что, — произносит наконец Олег Петрович, — идите спать. И чтоб это было в последний раз!

Такого оборота Маришка никак не ожидала.

— Почему же вы не ведете меня к капитану?!

— Потому, что вы очень глупая девчонка! — говорит старпом. — И мне вас просто жалко!

Он поворачивается к ней спиной и вешает на стенд пожарный топорик.

— Не надо мне вашей жалости! Не надо.

Я вам не позволю себя жалеть! — чуть не плача, кричит Марианна.

Но старпом уходит, не обернувшись.

Раз, два, три, — стучит он в дверь своей каюты. Кто-то открывает изнутри задвижку, и старпом гордо входит к себе.

Закрывшись изнутри намертво — просунув ножку стула в ручки двери своей каюты, — собирается спать капитан... Он уже отстегнул подтяжки и обул шлепанцы.

Стук и голос Марианны:

— Это я, дядя!

Капитан, наспех натянув китель, разбарикадирует дверь.

В каюту врывается Маришка.

— Дядя! Знаете, кто делал тигриные следы?.. Это я! Понимаете, я! И ни капельки не раскаиваюсь! Вот!..

— Не может быть... Ты? Как!.. — говорит потрясенный капитан.

В качестве доказательства Маришка ставит своей «тигриной лапой» черный штемпель на подушку капитана.

Василий Васильевич хватается за голову. Он вне себя от возмущения.

— Какой ужас! Какой позор! Член нашего коллектива!.. Работник пищеблока! И кого ты подводила под выговоры?!.. Олега Петровича!.. Вот она твоя так называемая любовь, она только на такую глупость и способна...

...Марианна сидит за столом капитана, гру-

стно задумавшись. Она положила подбородок на руки, одетые в «тигриные лапы».

— ...А твое легкомыслие! Какие ты только не меняла профессии, кем только не собиралась стать!

— Да, правда... — печально говорит Марианна, я еще не нашла своего призвания...

— «Не нашла», «не нашла», а когда найдешь, откуда ты будешь знать, что нашла?

— Ну, я тогда сразу почувствую... каждый человек на что-то способен, только иногда не так легко найти свой талант... не так легко... понимаете?..

— Ничего ты не найдешь, и ничего из тебя не выйдет, — говорит капитан, так и оставшись в жизни балластом.

Он поворачивается к полке с книгами. Маришка хихикнула: из-под кителя капитана, как хвост, свисают подтяжки.

— Лично я не вижу ничего смешного! — говорит капитан. — Пойми, Маришка, главное в человеке — система, порядок, собранность, аккуратность. Все об этом пишут! — Он тычет пальцем в книжные корешки... — Вот... Великий педагог Ушинский... Макаренко... Песталоцци...

Маришка безудержно хохочет, оттого что, пока капитан произносит со всей серьезностью эту сентенцию, у него болтаются подтяжки, как хвосты.

Смех девушки выводит капитана из себя. Он швыряет на пол толстую книгу.

— Плетка тебе нужна, а не Песталоцци!

Василий Васильевич взволнованно пово-

рачивается и идет к двери. Вдруг что-то потянуло его назад — это подтяжки зацепились за ручку кресла.

— Не трогай меня! — говорит капитан, не оглядываясь. — Мне не о чем с тобой говорить.

Он раздраженно шагнул вперед, подтяжки срываются и с силой хлопают его пониже спины.

Маришка истерически хохочет — она уже не может остановиться.

— Тебе смешно? — рычит Василий Васильевич. — Хватит! Властью капитана и дяди я сажаю тебя под арест!

На двери Маришкиной каюты большой, как калач, замок.

Кок Филиппыч отмыкает замок и кричит:

— Выходи на штрафные работы!

Щурясь от солнца, выходит Марианна.

Возле камбуза ее поджидают верные друзья — Мотя и Сидоренко.

...— Мариша! — говорит Сидоренко. — Мы с тобой. Мы, как мушкетеры!..

Филиппыч обрывает его:

— Катись отсюда, мушкетер, мелкими брызгами! Не велено общаться.

Он заводит Марианну в камбуз и дает ей мешок с картошкой.

— Вот. Очистки кидай в ведро.

В камбуз протискивается Шулейкин.

— Отбываете, значит, — констатирует он с удовлетворением. — А ведь мог невинно я пострадать...

Маришка с отвращением чистит картофель. Шулейкин приподнимает крышку кастрюли.

— Какой увар-то? — деловито спрашивает он Филиппыча. — Процентов сорок дают?!

— Вот человек! — назидательно говорит Филиппыч Маришке. Укротитель зверей, а понимает даже кулинарию... А тебя учи, не учи...

— А кто раскладочку утверждает? — интересуется Шулейкин.

— Старпом, Олег Петрович.

— Серьезный товарищ, — одобряет Шулейкин. — Капитан против него куда пожиже.

— Так он сам был капитаном, — вздохнув, говорит кок. — На этом же «Евгении Онегине», да вот понизили беднягу.

— Ай-яй-яй!.. И за что же это?

— За пассажирку. Он в нее влюбился без памяти, а она ему мозги крутила... Красивая была, артистка по профессии. Фигурой на ходу повиливала — дух захватывало. Эх! — спохватывается кок. — Лавры! Лавры-то я за-был положить.

Он кидает в суп лавровый лист.

Маришка с нетерпением ждет продолжения рассказа.

— ...И вот подходим мы к Одессе, к причалу, а пассажирка — шась к нему на мостик и говорит: так, мол, и сяк... все это ошибка, взаимное заблуждение, я вам забыла сказать, что я замужем. Вон меня муж встречает, а вам... счастливо плавать...

Марианна жадно слушает. Забыв обо всем,

она кидает очищенный вымытый картофель в помойное ведро, а шелуху в котел.

Филиппыч рассказывает:

— ...Олег Петрович стоит в ошолоблении, а «Онегин» полным вперед работает. Так мы с полного хода и резанули в причал носом. На меня бачок с компотом как жажнет... Страшно вспомнить. Тут и кончилось его капитанство.

— Да, пострадал человек за любовь...— философствует Шулейкин.

Маришка не выдерживает:

— При чем тут любовь? Может быть, это было у него минутное увлечение...

— А ты что слушаешь? — сердится кок. — Ты работай.

— Ничего я не слушаю... Мне и неинтересно!

Филиппыч заглядывает в котел и ахает: в супе плавают очистки, а в поганом ведре чищенный картофель.

— Ну, ответь, какая от тебя в жизни польза? — горестно вопрошает кок. И сам себе отвечает: — Никакой пользы, кроме вреда!

«Евгений Онегин» идет по синим волнам океана...

...Маришка печально сидит взаперти в своей каюте.

Лязг замка. Входит матрос Кныш.

— Чего раскисла, как медуза? — дружелюбно говорит он. — Я тебе обед принес.

— Неси назад. Объявляю голодовку.

Кныш удивленно смотрит на девушку.

— Я требую, чтобы сюда пришел старпом. Пока не придет, ничего не буду есть!

— Не дури. Скажи лучше, куда вилки-ложки дела? Команде есть нечем.

— Ешьте руками... Придет старпом, тогда скажу.

Пожав плечами, матрос поворачивается к двери.

— А что за компот? С персиками? — не выдержав, спрашивает Маришка.

— А какая тебе разница? Ты же заявила голодовку.

— Ладно, компот оставь... А по остальному — голодовка.

Матрос уходит. Марианна со вздохом принимается за компот, но тотчас, вскрикнув, вскакивает. В углу появился знакомый нам мышонок.

— Нашел, чертенок. Ну чего ты за мной ходишь?.. Сидел бы в кладовке — там продуктов много...

Мышонок взбирается на стол, усаживается против Марианны и внимательно смотрит на нее своими черными глазками. Марианна садится в дальний угол каюты.

— Неужели непонятно, что человек может бояться мыши... Какой-то ты глупый... ну ладно, сиди. Только не подходи ближе...

Мышонок шевелит носом, подбирает хвост, видимо, готовясь к беседе.

Маришка отставила компот, уютно улеглась в уголке и задумчиво говорит:

— Эх, мышь, мышь, хочешь, я тебе расскажу об одной дуре, которая полюбила не человека, а кусок железа...

Мышонок слушает, поблескивая черными бусинками глаз. Вдруг он насторожился, прислушался и исчез.

Щелкает замок. Входит Олег Петрович.

— Зачем вы меня вызвали?

— Я хочу за все, за все попросить у вас прощение... Мне очень стыдно, что я вас дразнила.

Старпом с подозрением смотрит на Марианну.

— А чем вызвано ваше раскаяние? — сухо спрашивает он.

— Вы меня не обманете своей суровостью, я ведь понимаю, какой вы...

— Я всегда думал, что вы вздорная, бессмысленная, ни на что не годная девица. Но сегодня я понял, что недооценивал вас...

Голос его начинает чуть заметно дрожать. Люди, знающие старпома, сказали бы: «Олег Петрович вне себя от ярости».

— Вы готовы унижаться... лгать... лицемерить, извиняться, лишь бы вас отсюда выпустили!.. Стыдитесь!! — Он берет себя в руки. — А кроме того, не я вас сажал, не ко мне и подлизывайтесь.

Маришке и в голову не могло прийти, что ее искренний порыв будет так ужасно истолкован.

— И это все, что вы поняли? — тихо говорит она и, резко повернувшись, отходит к иллюминатору.

Старпом пожимает плечами, выходит из каюты и вешает на дверь замок. Вдруг до него доносятся какие-то жалобные звуки. Он прислушивается. Да, сомнений быть не может — это плачет Марианна.

Старпом направляется к своей каюте.

Шимпанзе перед зеркалом чистит зубы сапожной щеткой.

Троекратный стук в дверь.

Не прекращая своего занятия, шимпанзе привычным движением отодвигает задвижку.

Старпом входит, опускается на стул. Его не смешит вымазанная сапожным кремом морда обезьяны.

— Ох, и глуп же ты, братец, — говорит он и, подумав, грустно добавляет: — А я, кажется, еще глупее...

Шимпанзе прижимается к Олегу Петровичу и ласково гладит его щеткой по волосам.

А Марианна в своей каюте разговаривает с мышоном, который снова появился. Девушка сидит на стуле, подобрав ноги. Слезы у нее уже высохли.

— Давай я тебя буду кормить, кормить, кормить... Ты вырастешь большой, как тигр, пойдешь и загрызешь его... дурака такого! Ладно?

Мышь приближается к ее стулу.

— Не подходи! Соблюдай дистанцию.

И Маришка поспешно перебирается со стула на свою койку.

Капитан спускается с мостика. Внизу его подкарауливают трое. Мотя, Сидоренко и Кныш.

— Товарищ капитан, — робко говорит Мотя. — Мы делегация от команды.

— Насчет буфетчицы, — поясняет Сидоренко. — Хотим взять ее на поруки.

— Никогда! Если она моя племянница, это еще не значит...

— Ну девчонка, просто веселая... — ба-сит Кныш. — Что ж ее за это на рее повесить?

— Идите, отдыхайте, — неумолимо говорит капитан. — А арестантку выбросьте из головы.

Но сам Василий Васильевич забыть про Марианну не может. Он направляется к каюте старпома.

— Можно к вам, Олег Петрович?

Услышав незнакомый голос, обезьяна прыгает на койку и накрывается с головой одеялом. Входит капитан.

— Лежите, лежите! — поспешно говорит он, заметив движение под одеялом. — Я пришел не как начальник к подчиненному... Я пришел как человек к человеку. — Расхаживая по каюте, он продолжает: — Я все думаю о Марианне. Не слишком ли я с ней суров?.. У нее было трудное детство... трудное, собственно, для ее родителей. Что она творила!.. Но это была веселая и добрая девочка... — Капитан растроганно улыбается. — И одна косичка всегда торчком, как ухо у щенка... Согласен, плохо, что она не нашла еще своего места в жизни. Но что говорит

великий Песталоцци? «Человека образуют обстоятельства». Помните?

Одеяло шевелится. Вероятно, это означает согласие с Песталоцци.

Василий Васильевич присаживается на край койки рядом со своим молчаливым собеседником.

— Труд! Вот что спасет девочку! Тот самый благодетельный труд, который превратил обезьяну в человека...

И тут капитан замечает черную волосатую лапу, которая высунулась из-под одеяла.

Дико вскрикнув, капитан пробкой вылетает из каюты.

Соблазн велик — дверь открыта настежь! И шимпанзе выходит в коридор.

На палубе Сидоренко уговаривает Мотю:

— Если хочешь победить на конкурсе, ни одного дня не пропускай... Давай, тренируйся.

— Настроения нету...

— Давай, давай! Настроением ты Маришке не поможешь.

Сидоренко подносит к губам гармонику. Мотя пытается танцевать чечетку. Он делает это терпеливо и старательно, но очень плохо.

— Стоп, машина! — говорит Сидоренко. — Мотя, ты меня расстраиваешь... Жук, дай, пожалуйста, образец... — просит он проходящего по палубе маленького кочегара.

Кочегар прямо так, с ходу, «дает» несколько коленец высшего класса. Мотя смотрит и вздыхает. Сидоренко снова играет вступление.

Шимпанзе вышел на палубу. Его никто не замечает.

— Мотя, начали! — командует Сидоренко. И... раз, два, три... И... раз, два, три...

Мотя послушно топчется на месте. Раз... два... три... — он сбивается.

Шимпанзе заволновался. «Топ-топ-топ», — доносится до него. Три удара — условный сигнал!

Обезьяна ищет — где же засов, который нужно открыть? Она замечает ящик с пожарным песком, прикрепленный к стене.

«Топ-топ-топ»...

Шимпанзе открывает засов ящика, и песок высыпается на палубу.

«Топ-топ-топ»...

Что еще можно открыть?

Взгляд обезьяны падает на засов клетки с тигром. Натужившись, шимпанзе отодвигает засов.

«Топ-топ-топ»... — снова начинает Мотя, и обезьяна открывает вторую клетку.

«Топ-топ-топ»...

Обезьяна бежит вдоль клеток и с видимым удовольствием открывает засов за засовом.

Один из тигров упирается лбом в дверцу, распаивает ее и выходит на свободу... За ним второй, третий...

Вдоль борта идет со шваброй и ведерком матрос Самсонов. Он замечает на палубе тигринный след.

— Опять Маришка чудит! — смеется матрос.

Начинает затирать след шваброй. Сзади раздается рык.

— Во дает! — заливается Самсонов. — Брось, Маришка, не купишь!

Оборачивается, и по лицу матроса мы понимаем, кого он увидел. Летят на палубу ведерко и швабра. Самсонов вмиг взбирается на шлюпбалку.

— Кореша! Полундра! — вопит он.

На крик оборачиваются Мотя и Сидоренко. Губная гармоника, жалобно пискнув, умолкает.

По палубе медленно и величественно шествует тигр.

Мгновение — и Сидоренко уже сидит за бортом на лапе якоря.

А Мотя — за противоположным бортом — качается на штормтрапе.

Ходовая рубка. На руле — Кныш. Старпом пилит его:

— Судно нужно держать точно по курсу, а вы, уважаемый товарищ, рыскаете... Чуть лево возьми! Так держи!..

Расслабленной походкой входит капитан.

— Олег Петрович, — говорит он неуверенно. — Я, наверно, нездоров. Я был у вас в каюте, и мне показалось...

Он умолкает — в дверь просовывается когтистая полосатая лапища. Старпом не видит ее.

— Что показалось? — спрашивает он.

— Да нет, ерунда... Мне все время что-то кажется...

Капитан с досадой захлопывает дверь, и сразу же раздаётся негодующий рев.

Страшной силы удар потрясает дверь. Она распаивается с пушечным гулом, отскочив от переборки, летит назад и бьёт по морде возникшего на пороге тигра. Рык... Ещё один удар по двери.

— Мамочка... — шепчет Кныш, бросая штурвал.

Василий Васильевич стаскивает с головы фуражку и зачем-то швыряет ее в зверя.

Рычание. Тигр трясёт прищемленной в дверях лапой.

Старпом командует, пятясь:

— Уходим через окна. Кныш, бегите к радисту! Пусть известит команду!

Капитан с большим проворством лезет в окно.

Вот он уже на верхнем мостике. Старпом присоединяется к нему.

«Евгений Онегин», оставшись без управления, выписывает по морю немыслимые зигзаги.

— Теперь одна надежда — на запасной штурвал, — говорит старпом.

Оба моряка торопливо стягивают с запасного штурвала чехол.

Из палубного репродуктора доносится скрип, потом включается радиотрансляция: «Передаем концерт по заявкам моряков торгового флота...».

Тигр в рубке. Он с интересом обнюхивает новое помещение. Штурвал начинает вращаться, так как он синхронно связан с верхним штурвалом на мостике. Рукояти бьют зверя по морде. Это злит тигра, и он бросается на штурвал, ударяет по нему лапой.

Капитан и старпом летят в сторону от своего верхнего штурвала, который теперь кружится с огромной скоростью в обратном направлении. Это сейчас сплошной мерцающий круг. «Онегин» совершает немыслимый поворот.

В машинном отделении старшего механика качнуло. Он наклоняется к переговорной трубе, свистит в нее:

— Рулевая рубка! Кто на вахте?

В ответ доносится рев.

— Сердится старик, — говорит механик своему наперснику. — Совсем озверел!

Тигр обнюхивает переговорную трубу. Слышится голос старшего механика: «Не понял вас, Василий Васильевич!» Вместо ответа тигр бьёт по трубе лапой. Труба рушится. Тигр обрывает телефонный кабель...

На верхнем мостике.

Капитан изо всех сил дует в переговорную трубу. Старпом кричит в телефонную трубку.

— В машине! В машине!

Никто не отвечает.

— Надо вызвать по радио из ближайшего порта вертолет, — говорит капитан.

По пустому коридору из-за двери с замком разносится голос Марианны.

— Ну ладно! Я преступница и сижу в тюрьме, но дайте же мне поесть! Я отменяю голодовку! Я все, все скажу! Вилки и ложки в нижнем ящике!..

Марианна колотит кулаками в дверь:

— Товарищи! Вы про меня забыли!.. Конечно, вам там хорошо!..

По коридору надстройки мчится боцман. За ним гонится лев.

Коридор состоит из секций, отделенных друг от друга дверями.

Проскакивая очередную дверь, боцман прижимает ее спиной, торопливо стучит в ближние каюты, кричит:

— Братишки! Полундра! Звери всплыли!

В этот момент в дверь, которую он держит спиной, ударяет лев. Боцман стрелой несется дальше и оказывается на палубе.

Из динамика доносится: «По заявке боцмана парохода «Евгений Онегин» передаем «Реквием» Моцарта... Слушайте ваше любимое произведение, товарищ боцман...».

Но товарищ боцман ничего не слушает — лев уже совсем близко.

Боцман влетает в одну из опустевших клеток и трясущимися руками задвигает засов. Добежав до клетки, лев обнюхивает ее и разочарованно отходит.

Боцман, почувствовав себя в безопасности наглеет:

— Ты, тварь, еще не знаешь боцмана! — кричит он царю зверей. — Меня так просто, без хрена не сожрешь!

Вдруг куча соломы в углу — постель обитателя клетки — начинает горбиться и шуршать.

Боцман умолкает. Под звуки заказанного им «Реквиема» он отступает и прижимается спиной к решетке.

Из соломы осторожно выглядывает «укротитель» Шулейкин.

— Елисей Степанович! Вы дверку закрыть не забыли? — осведомляется он.

Боцман потрясен.

— Товарищ укротитель?.. А вы зачем здесь?

— «Зачем», «зачем»... За тем, за чем и вы, — сварливо отвечает Шулейкин. — Не люблю быть бифштексом.

Боцман решительно отворяет дверцу клетки и энергичными тычками подталкивает «укротителя» к выходу.

— А ну, иди, приступай к исполнению служебных обязанностей. Работай, укрощай.

Шулейкин сопротивляется изо всех сил. Наконец боцману удается вытолкнуть его на престор.

Лев бросается к Шулейкину, но тот со

скоростью молнии ныряет в соседнюю клетку и запирается в ней.

Рев зверей разносится по судну.

Второй лев в медпункте. Он жрет подряд все медикаменты. В данный момент он глотает большую коробку с надписью «Снотворное. Люминал».

Проглотил, сладко потянулся и зевнул.

Дверь с надписью «Радиорубка» прикрыта неплотно. Из щели торчит задняя половина тигра. Хвост зверя бешено извивается. И есть от чего. На дверь изо всех сил давят Кныш и второй штурман. Они зажали тигра дверью и держат. Хвост бьет их по физиономиям.

— Не ослабляй! Не давай слабину! Навались! Навались! — пришептывает второй штурман.

Кныш наваливается, глаза у него сошлись к переносице, в зубах горящая папираса.

— Выплюнь папиросу... — говорит штурман, — она тебе мешает.

— Не приучен кидать окурки на палубу, — сквозь зубы бормочет матрос.

Хвост зверя ударяет его по лицу. Горящая папираса описывает в воздухе параболу и влетает второму штурману за шиворот.

— Горю... — с ужасом говорит тот, — горю, как свеча.

Из-за воротника у него появляется дымок. Зажатый тигр пытается освободиться.

Кныш и штурман еще сильнее наваливаются на дверь. Тигриный хвост лупит их теперь по физиономиям безостановочно, они не успевают отворачиваться. Дым из-за воротника штурмана идет все гуще.

Из-за двери несется истошный вопль радиста:

— Держите его! Держите!

Внутри рубки радист. Он со сна, в одних плавках, не сводит глаз с пролезающего в дверь тигра. Руки радиста продолжают стучать ключом. Радист кричит:

— Держите! Я еще не передал сообщение!.. Ай!.. Еще минутку... Включаю трансляцию!

Радист вертит верньеры и выключатели на блоке трансляции. Он делает это, не сводя глаз с тигра. Тигр рычит и облизывается. Радист трясется, но продолжает выполнять свой долг.

В камбузе хозяйничают тигры. Один из них, весь перемазанный мукой, ступает по рассыпавшимся из ящика яйцам.

Кок Филиппыч сидит на крыше камбуза и с тоской смотрит на все это.

— Омлет сюрприз... — бормочет он.

На шее кока гирлянда сосисок. Он перебирает их, как четки. Из камбуза доносится богатырский чих, а из окон вылетают белые мучные облака.

Три матроса с топорами в руках осторожно крадутся вдоль палубы.

«Реквием» внезапно оборвался. Из репродуктора доносится хриплый и взволнованный голос радиста.

— Всем, всем!.. Спокойствие, товарищи! Нами вызван на помощь вертолет с укротителем... Приказ капитана: тигров ничем тяжелым не бить и шкур им не портить... Груз государственного и должен быть доставлен в целости и сохранности. Каждый зверь стоит сорок тысяч золотом.

Кок Филиппыч со вздохом втыкает в крышу камбуза свой страшный кухонный нож и взамен вооружается половником.

Три матроса вставляют топоры в пожарные щиты и скрываются в люке, захлопнув за собой крышку.

— Информирую о себе, — продолжает радист. — Передо мной крупный хищник... Его героически зажали дверью второй помощник и матрос первого класса Кыш... Ай! Держите его!.. У него слюна с клыков капает... Братцы...

И здесь что-то совсем неразборчиво — хрип, крик, звон. Затем как бы хруст разгрызаемых костей. И тишина. Гробовая.

Капитан опускает руки по швам. Скорбь на его лице. Старпом снимает фуражку. Ветер горестно треплет волосы моряков.

И вдруг опять голос радиста:

— Тигр достал лапой до плафона и раздавил лампочку... Так... Продолжаю передачу... Ай! Он лезет дальше! Кончаю передачу, ухожу через окно...

К борту подходит тигр, глянув вниз на

Мотю, висящего на штормтрапе за бортом, он начинает лениво жевать трос, на котором держится трап. Мотя кричит.

— Товарищ, не жуйте трос... я же за борт свалюсь...

Корма. Боцман орет из своей клетки Шулейкину, сидящему в соседней:

— Окопался, укротитель!.. Был бы я к тебе поближе!..

Он яростно трясет прутья клетки.

По палубе, спасаясь от двух тигров, скачет обезьяна. Пробегая мимо боцмана, она выхватывает из-под клетки, где сидел боцман, деревянный клин, швыряет в своих преследователей и уносится дальше. Клетка передвижная, на колесиках. Клин, как «башмак», удерживал ее на месте. Теперь из-за качки клетка, лишенная опоры, начинает двигаться.

Стукнувшись о клетку Шулейкина, она сбивает с места и ее. При легких кренах «Онегина» обе клетки раскатываются по палубе. Боцман и Шулейкин то съезжаются, то разъезжаются.

Вот клетка с боцманом подъехала к самому борту и нависла над пучиной.

— Амба! — шепчет Елисей Степанович и закрывает глаза. — Прощаю я тебя, Шулейкин.

Но вот обратный крен, и боцман отъезжает на середину палубы.

— Не прощаю, сукин ты сын! Укротитель липовый...

Теперь уже клетка Шулейкина балансирует у самого борта, покачивается, вот-вот рухнет за борт. Даже тигры наблюдают за этим с любопытством.

— Да, я, я во всем виноват! — кается Шулейкин перед лицом смерти. — Укротитель малярией заболел, а я за него вызвался!.. А моя профессия пищеблок. Я буфетчик. И домой захотел. По Одессе соскучился!.. Елисей Степанович, не поминайте лихом. Все-таки я был человек.

Но снова качка меняет клетки местами. Навстречу гибели едет боцман.

Матрос Самсонов со своей шлюпбалки кидает ему трос.

— Держись, боцман!

Елисей Степанович мигом закрепляется. Шулейкин, проезжая, цепляется за боцманскую клетку. Теперь они оба в безопасности и снова начинают перепалку.

— Так ты пищеблок! — шипит боцман. — Ладно, ты у меня попищишь!

— Я ничего не говорил! Это все ваша фантазия. Тигров испугались, вам и мерещится...

Капитан поднимает голову. С неба доносится звук мотора.

Это летит на выручку пестрый, как бабочка, заграничный вертолет.

Сидоренко, сидящий на лапе якоря, Мотя, болтающийся за бортом, пока тигр продолжает жевать трос, кок Филиппыч на крыше

камбуза — все приветствуют долгожданного спасителя восторженным «ура!».

Вертолет замирает над палубой. Дверца раскрывается, с вертолета спускают веревочную лестницу, и появляется укротитель.

Да, это не Шулейкин!.. Это настоящий, шикарный укротитель зверей. Он носат и черноус. На нем лакированные ботфорты и ментик из тигровой шкуры. В руке длинный хлыст, за поясом пистолет. Видимо, укротитель прибыл прямо с манежа.

Раскланиваясь во все стороны, он начинает спускаться по лесенке.

— Где есть тигер? — кричит он. — Я буду его сейчас укротить!

Он щелкает бичом, и немедленно тигры со всех сторон сбегаются к вертолету.

Укротитель стоит на нижней перекладине лестницы. Под ним беснуются огромные полосатые звери — рычат, бьют хвостами, разевают кровожадные пасти.

— Алле-гоп! — уверенно произносит укротитель и еще раз щелкает бичом.

В ответ самый маленький из тигров, подпрыгнув, перекусывает хлыст у рукоятки.

— Абер это есть не дрессированный тигер, — с удивлением говорит укротитель и начинает поспешно подниматься по лестнице.

— Куда? Куда? — кричит с мостика Василий Васильевич. — Мы заплатим! Валютой!

Но укротитель мотает головой.

— Нет! Дас ист айн дикий тигер. Укротить нельзя... Надо пиф-паф артиллерия!..

Пилот дает газ, но взлететь не может:

большой тигр зубами держит нижний конец лестницы. Вертолет беспомощно жужжит и бьется в воздухе, как стрекоза, пойманная злым мальчишкой.

— Ап! — надрывается укротитель. — Шнеллер, летать! Ап!

Мотор отчаянно заревел. Лестница, не выдержав, обрывается на сантиметр ниже той перекладки, за которую держался укротитель.

И эффектный брюнет уносится ввысь, болтая в воздухе ногами.

На палубу «Онегина» сыплются с неба его лакированные ботфорты, ментик из тигровой шкуры и рейтузы с позументами.

Мотя с грустью провожает взглядом улетающий вертолет, под которым висит заграничный укротитель в одной рубашке, болтая в воздухе тоненькими кривыми ножками.

Гул мотора слышен в каюте Марианны. Она кричит в щелку двери:

— Дядя!.. Что случилось? Мы тонем? Выпустите меня... я больше не буду!..

— Опасное место, — говорит с беспокойством капитан, — тут полно рифов, а судно не управляется... нужно пробраться к штурвалу... нужно застопорить машину...

— Сейчас попытаюсь, — отвечает старпом и перелезает через перила. — Товарищ капитан, — останавливается он, — я очень беспо-

коюсь о вашей племяннице. Она там совсем одна.

— Это счастье, что она под замком! Она в безопасности!.. А вот нам что делать?.. Смотрите!..

Большой полосатый зверь лезет прямо на мостик.

Старпом возвращается — путь закрыт окончательно.

Капитан, по-стариковски кряхтя, карабкается на мачту радиолокации и усаживается на дугообразной антенне.

Тигру спешить некуда. Улегшись на мостике, зверь начинает по-кошачьи умываться лапой.

— Положение безвыходное, — с ужасом говорит капитан, — выкинет на рифы, разобьемся к чертям...

Снизу, из рубки, доносится яростный рев. Это один из тигров запутался хвостом в спинах штурвала. Он рвется, пытаясь высвободиться, — и «Евгений Онегин» резко меняет курс.

— Кто изменил курс? — говорит капитан прерывающимся голосом: — Глядите, этот риф был справа, а теперь мы идем прямо на него.

Действительно «Онегин» по воле тигриного хвоста идет прямо на выступающую из воды скалу.

— Полундра! Разобьемся! — стонет капитан. — Обязательно разобьемся!.. А эти в машинном... Гонят и гонят полный вперед!

В машинном кочегары, мирно беседуя, шуруют уголь. Речь держит большой усатый кочегар.

Он неторопливо говорит:

— Пил я ихнюю пепси-колу... И коку-колу пил. Химия! А возьми ты сухарный квас, да, например, с узюмом..

— И что это смена не идет? — думает вслух другой кочегар. Козла забивают что ли?..

Работают гигантские мотыли, вращаются маховики.

Судно полным ходом идет на рифы, вокруг которых беснуются океанские волны.

Тигр на мостике облизывается, глядя на старпома.

Другой тигр продолжает бесчинствовать в рубке. Пытаясь освободить хвост из штурвала, он ударяется о блок управления радиолокации.

Тумблер с надписью: «Вращение антенны».

Тумблер щелкает. Вспыхивает контрольная лампочка. Гудит мотор.

...Капитан начинает вращаться вместе с антенной, на которой он сидит.

— Что случилось? У меня кружится голова? — кричит он, вращаясь все быстрее и быстрее. — Или это судно кружится?

Но старпом не слушает.

— Смотрите! — говорит он.

Судно продолжает лететь на бушующие вокруг рифов буруны. Старпом с тревогой глядит на неумолимо приближающийся риф. Вращаясь на своей антенне, капитан кричит:

— Эй! Кто-нибудь! Отгоните зверье водой от рубки! Дорога секунда!.. Судно гибнет... Идем на рифы...

— Есть, товарищ капитан! — кричит в ответ механик, появляясь на палубе с пожарным шлангом. — Даю пять атмосфер! Они у меня сразу за борт попрыгают!

Бесстрастно пережевывая жевательную резинку, механик раскатывает и подключает шланг.

— Не смейте трогать зверей! Каждая штука по накладной сорок тысяч валюты! Не смейте! Меня в тюрьму посадят! — кричит Шулейкин из своей клетки.

Но механик уже открыл вентиль. Он направляет струю на ближайшего тигра.

— В цирке их всегда водой пугают, — говорит он Шулейкину, — чего зря паникуете...

Тигр ничуть не пугается воды. Наоборот, он резвится под струей. На его довольный рык сбегаются другие звери. Резвясь и играя, все ближе подступают они к механику.

Тот бросает шланг и, уже не пытаясь сохранять достоинство, ретируется, а шланг, извернувшись по палубе, дает ему все свои пять атмосфер в спину.

Звери треплют и крутят шланг. Струя ударяет по Шулейкину и по боцману. Увертываясь от воды и ругаясь, они мечутся в своих клетках. Наконец звери оставляют шланг в покое, но он лежит в таком положении, что струя прошивает клетки насквозь...

...Теперь уже все члены команды отчетливо видят грозную опасность. Скалы все ближе и ближе.

Они уже маячат перед самым носом «Евгения Онегина».

...Обломанные клыки скал торчат из кипящей воды, грохочет прибой, и, кажется, кораблю нет спасения.

Кок Филиппыч на крыше камбуза грустно снимает с шеи связку сосисок и швыряет вниз тигра.

— Жрите, черти полосатые... Нам уже ни к чему.

Олег Петрович решительно перепрыгивает через барьер.

— Иду к штурвалу. Еще минута, и будет поздно.

Он берется за свисающий с мачты трос.

Марианне удалось отдраить иллюминатор своей каюты.

— Да здравствует свобода! — говорит она и протискивается наружу.

Внизу скачут волны. Маришка пробирается на палубу.

Олег Петрович застегнул верхнюю пуговицу кителя, ребром ладони проверил, правильно ли сидит фуражка, и затем оттолкнулся ногами от мачты.

Держась за трос, он пролетает над самой головой зазевавшегося тигра и оказывается на палубе. Надстройка скрывает его от нас.

Капитан в ужасе зажмуривается:

— Какой был человек...

И вдруг чей-то звонкий и веселый смех заставляет его снова открыть глаза.

У борта стоит Маришка. Ни о чем не подозревая, она смотрит на своего вращающегося дядю и неудержимо хохочет.

— Ты с ума сошла!!! — отчаянно кричит Василий Васильевич.

— Я?.. А по-моему, ты.

— Спасайся! Приказываю! Как дядя! Как капитан! Беги!

И тут девушка видит выходящего из рубки огромного тигра. Вскрикнув, она закрывает лицо руками и опускается на палубу.

Но тигр не интересуется ею — он наметил своей жертвой Олега Петровича.

А старпом, схватив в руки багор, приготовился прорваться сквозь тигриную осаду к штурвалу.

И вот он смело бросается вперед. Тигр на мгновение опешил. Но на подмогу ему спешат еще два. Все вместе атакуют железного моряка.

Размахивая багром, тот идет в контратаку.

Удар лапы — багор сломан... тигр опрокидывает Олега Петровича... и, схватившись, они катятся по палубе.

Не понимая, почему она еще жива, Марианна открывает глаза. Перед ней страшное зрелище: Олег Петрович в лапах у тигра, а другие два зверя, рыча, следуют за ними, выжидая удобного момента, чтобы тоже схватить жертву.

— Назад! — кричит Марианна и, забыв обо всем на свете, бросается в гущу свалки. — Не троньте его!

Одного тигра она оттаскивает за хвост.

Сняв с ноги туфлю, хлещет им по морде другого — того, что держит в лапах старпома, и кричит:

— Не тронь Олега Петровича! Не смей! Не тронь Олега Петровича!

И тигр отпускает старпома.

Освобожденный железный моряк, остолбенев, смотрит на невиданное зрелище.

Тигры и не думают сопротивляться. Поджав хвосты, они пьются от Марианны.

— Ничего не понимаю... — растерянно бормочет Олег Петрович.

— И не поймете никогда! — сверкнув на

него глазами, кричит Марианна и топает на тигров ногой. — Брысь! Брысь отсюда!

— ...Коня на скаку остановит... в горящую избу войдет... — шепчет капитан, кружась на своем насесте.

...Олег Петрович бросается в рубку. Он с лихорадочной быстротой вращает штурвал.

Судно сильно качнуло. Кок Филиппыч чуть не слетел с крыши камбуза.

А «Онегин», в последний момент резко изменив курс, проходит на волосок от рифа.

— Спасены! — кричит капитан.

— Пронесло! — возвещает со своей шлюпбалки Самсонов.

— Мимо, — бормочет Сидоренко, сидя на якорной цепи, — только теперь нам все равно у тигра в пасти погибать...

Маришка гонит тигров по палубе.

— Брысь, черти! Я вам покажу, как на людей кидаться!

Один из тигров вдруг оборачивается и хватает зубами туфлю, которой размахивает Марианна. Девушка тянет туфлю к себе, зверь — к себе.

Выпустив туфлю, Марианна теряет равновесие и садится на палубу.

Циркулирующий вокруг мачты капитан от ужаса чуть не падает с антенны.

Но тигр не проявляет никакой кровожадности. Он подходит к Маришке и носом ты-

чется в ее плечо. Девушка неуверенно поднимает руку, проводит по лоснящейся шерсти.

Тигр принимает это с видимым удовольствием. Тогда Марианна, осмелев, чешет его за ухом, как кошку.

— Кися, кисанька, — говорит она.

Подходит второй тигр и тоже требует своей доли внимания. Девушка встает. Опираясь на тигра, она надевает туфлю.

Вся команда при виде этого зрелища замирает от изумления.

...Тигры собираются вокруг Маришки, а она, осознав свою власть над ними, заводит со зверями игру.

— Садись, садись, полосатый... — заставляет она усесться перед собой самого большого и грозного зверя.

Тигр не сразу понимает, что Маришка хочет от него, и выжидательно смотрит ей в лицо.

— Ну садись же, на попку садись... — Маришка прижимает заднюю половину тигра к палубе, и тот садится.

— Теперь дай лапу!

Маришка присаживается и подбивает тигриную лапу вверх. Зверь поднимает лапу.

Остальные тигры расположились вокруг и наблюдают за тем, что Маришка делает с их коллегой.

Капитан наконец опомнился от изумления и шепотом кричит:

— Марианна... сейчас же перестань... слышишь... загоняй их в клетки...

— Нет, дядя... вы только посмотрите, как они меня понимают...

И Маришка продолжает свою опасную игру. Она заставляет тигра «служить», садится на него верхом и делает круг по пустынной палубе. А остальные звери в это время идут за ней, как свита.

— Марианна Андреевна, — шепчет механик, высунув голову из люка, — ради бога... не играйте с огнем, загоняйте скотину в клетки... пока они не опомнились...

— Ну нет... — весело отвечает Маришка, — теперь вы все у меня арестованные, а я над вами посмеюсь...

И Маришка поднимает огромного тигра на задние лапы, потом укладывает на палубе и сама ложится на него, поглаживая рукой по морде. Она счастливо смеется. Тигры собираются вокруг нее, лижут ей руки.

— Олег Петрович... у меня разорвется сердце... Марианна, я умоляю тебя, слышишь, я умоляю, загони их в клетки...

— Ну ладно, — отвечает Маришка, — только для вас, товарищ капитан...

Ухватив двух тигров за шиворот, Маришка тянет их за собой.

— Ну хватит... Поиграли — теперь домой...

Марианна загоняет тигров в клетки. Она радостно возбуждена, и ей хочется снова и снова проверить свою власть над полосатыми мятежниками. Она командует тигру: «Входи!» — подталкивает его, и тигр входит в

клетку. Тогда Марианна тянет его обратно: «Выходи!» — И тигр опасливо выходит.

— Ты чего там выкозюливаешь? — кричит со шлюпбалки обеспокоенный Самсонов.

Но Марианна никого не слышит.

— Входи! — снова приказывает она. — Теперь сиди, жди обеда!

Задвинув засовы, она переводит дух и только теперь замечает в стоящих особняком клетках боцмана и Шулейкина.

Спасаясь от неиссякаемого шланга, они оба вскарабкались по прутьям под самый потолок клетки и висят там, как гориллы в зоопарке.

Марианна закрывает вентиль. Вода перестает бить по клеткам. И тогда становятся слышны вопли Моти, который все еще болтается за бортом:

— Прощайте, товарищи!.. Прощайте! Сейчас он лопнет!

Мотя прав: тигр дожевывает последние пряди троса.

— Пошел! Пошел отсюда, тряпичник! — кричит Марианна, отгоняя его. — Ну что ты жуешь всякую пакость?.. Глупый какой!

Она начинает вытаскивать из-за борта трос с Мотей. Но Мотя-то не знает, кто подтягивает его к иллюминатору! Он убежден, что это делает тигр.

— Прощайте, товарищи, тянет он меня к себе в пасть!

Оказавшись на уровне борта, Мотя вдруг видит прямо перед собой не тигриную пасть, а раскрасневшееся лицо Марианны. Именно

теперь, когда опасность позади, он от изумления срывается вниз.

Маришка кидает ему спасательный круг.

— Мотенька! Мотенька! Держись, пожалуйста! — умоляет девушка.

Барахтаясь в воде, Мотя надевает на себя спасательный круг.

Капитан кричит со своей карусели:

— Марианна! Тут еще один лежит. Я не могу спуститься с мостика.

Марианна пинает ногой развалившегося у мостика тигра.

— Чего ты тут разлегся? Как дам сейчас!..

— Почему они тебя не трогают? — обалдело спрашивает капитан.

— А я откуда знаю? Сама ничего не понимаю... — Девушка снова тормозит тигра: — Слышишь, ты, красноносый! Не боюсь я вас больше ни чуточки. Марш домой!

Недовольно урча, тигр отходит от мостика.

Еще два тигра и один лев загнаны в клетку. Марианна старательно задвигает засовы.

— Марианна! — кричит ей с мостика капитан. — Беги скорей, отдай якорь!

— Кому? — удивленно спрашивает девушка.

Капитан только рукой махнул.

— Есть отдать якорь! — орет осмелевший теперь боцман.

Отперев свою клетку, он бежит на полу-бак к якорному устройству.

Сидоренко все еще сидит верхом на лапе якоря. Загремела цепь — якорь пошел в воду. Этой беды матрос не ждал.

Он с кошачьей быстротой и проворством лезет вверх по якорной цепи. Цепь летит в воду все быстрее и быстрее, и все быстрее мчится по ней вверх матрос. У него даже нет времени закричать.

Больше он карабкаться не в силах. Обхватывая цепь ногами и руками, Сидоренко покорно опускается в воду. Цепь останавливается в тот момент, когда над водой торчит только голова матроса. Кончилась вся цепь, как говорят моряки, «вытравилась до жвакогаласа».

Глаза Сидоренко выпучены, рот открыт.

— Вот это точность... — произносит он с удивлением.

А Марианна уже заталкивает в клетку последнего тигра.

Щеки ее пылают, глаза блестят.

— Давай, давай! Зверюга!

Заперев клетку, она в изнеможении приклоняется к прутьям.

Перед клетками толпится вся команда.

— Один, два, три... — считает хозяйственный боцман, тыча пальцем в клетки с притихшими зверями.

— Как? Все на местах?

— Вроде все, — отвечает боцман.

Капитан заметил, что Марианна стоит с закрытыми глазами, опустив руки и тяжело дыша.

— Что с тобой, Маришенька? — испуганно спрашивает Василий Васильевич.

— Дядя... — произносит Марианна с трудом. — Все-таки и я на что-то пригодилась... Правда?

И вдруг, качнувшись, она падает.

Подоспевший Олег Петрович подхватывает ее на руки.

— Это ничего... Это от волнения... — успокаивает он капитана.

Осторожно ступая, старпом несет девушку в ее каюту.

Одиннадцать... Двенадцать! — заканчивает считать боцман. — Все.

— Извиняюсь, — доносится из последней клетки. — Вы меня присчитали. — Это напомнил о себе Шулейкин.

Боцман свирепеет.

— А ты будешь у меня до самой Одессы сидеть! Аферист!

Кныш разглядывает так называемого «укротителя». Мокрый, взъерошенный, весь в соломе, Шулейкин сам похож на дикого зверя.

— Что же, и сдавать его будешь за льва? — спрашивает Кныш у боцмана. — В этой клетке лев сидел. Где он есть?

— Лев?! Лев в медпункте! — доносится крик.

— Вот дела! — говорит Филиппыч. — И Маришки как на грех нету...

Перед медпунктом собрались моряки, вооруженные веревками и огнетушителями.

Дверь медпункта подперта колом. Изнутри несутся непонятные звуки.

Капитан с ракетницей в руках командует:
— Раз, два, три — открывай!

Моряки вышибают кол, распахивают дверь и отскакивают в стороны. Однако все меры предосторожности оказались излишними.

Лев крепко спит посреди медпункта. От его могучего храпа дверь то закрывается, то приоткрывается. Перед носом зверя лежит этикетка от коробочки с люминалом.

— Снотворного наелся! — догадывается Филиппыч. — И окосел, бедолага.

— Тш! Тише! Разбудишь на нашу голову! — шипит Кныш.

— Готовь трос! — командует капитан вполголоса и кладет ракетницу в карман.

С мачты спускается шимпанзе. Оглядев пустую палубу, обезьяна идет на звук голосов.

Она видит, как тащат из медпункта опутанного тросами льва. Похрапывая, тот возлежит на руках моряков. Мотя несет только львиный хвост, положив его на плечо. То и дело слышится:

Тсс!.. Тсс!

Все делают друг другу знаки молчать.

Позади процессии вышагивает шимпанзе. На него никто не обращает внимания — все заняты делом. Пользуясь этим, шимпанзе вытягивает из кармана Василия Васильевича ракетницу.

Капитан обернулся и застыл от ужаса: обезьяна собирается палить.

— Не смей! — страшным шепотом сипит Кныш.

Он бросается к обезьяне. И в тот же момент грохает выстрел. Красная ракета взлетает над головами моряков.

Мгновение — и никого на палубе нет.

Перепуганная не меньше других, обезьяна вопит, сидя на самой макушке самой высокой мачты.

Царь зверей продолжает похрапывать как ни в чем не бывало. Ему снится Африка. Ему снятся львицы...

Моряки собираются снова и поднимают с палубы своего спящего пленника. Шествие продолжается.

— Тсс... Тсс...

Шулейкин из своей клетки с беспокойством следит за приближением льва.

— Тут занято! Занято здесь! — в испуге выкликает «эксукротитель».

Боцман прижимает толстый палец к губам:

— Тсс!

Открывает клетку.

Шулейкин в ужасе. Он стоит на коленях, готовый к страшной смерти.

— Ладно уж, выходи... укротитель!..

Льва водворяют в клетку.

— Поднять якорь, — командует капитан.

Матроса Сидоренко, только-только устроившегося с грехом пополам на якорной цепи, вдруг подбрасывает — цепь пошла кверху.

Теперь матрос проделывает свое акробатическое упражнение в обратном порядке: по мере того как цепь поднимается, он, быстро перебирая ногами и руками, сползает вниз, чтобы не попасть вместе с цепью в клюз. Грохочет лебедка.

Но вот из воды появился якорь, поддел матроса и поднял к самому клюзу.

...За этим номером внимательно следит, свесившись через борт шимпанзе. Видимо, приняв матроса за своего, обезьяна протягивает ему сверху волосатую лапу, и, схватившись за нее, Сидоренко наконец возвращается на палубу.

В каюте Марианны Олег Петрович. Девушка до сих пор не пришла в себя. Железный моряк робко гладит свесившуюся с койки маленькую руку.

Внезапно Маришка открывает глаза.

— Зачем вы пришли? — спрашивает она враждебно.

— Пришел извиниться перед вами... — смущенно и виновато говорит старпом. — Вы... вы удивительная девушка... Я даже не знал, что такие бывают. И, пожалуйста, забудьте все, что я вам говорил раньше...

— Никогда! Никогда! Ни за что!.. — Марианна начинает всхлипывать. — И не воображайте, что сегодня, с тиграми... что я это

из-за вас. Вот съели бы они вас, я бы и не заплакала, — говорит она, глотая слезы.

— Марианна, послушайте...

— Не желаю я вас слушать... И видеть вас не хочу!..

Старпом встает, берет фуражку.

— Простите, — говорит он и идет к двери.

— Ай! — раздается за его спиной отчаянный крик.

Старпом в испуге оборачивается.

Девушка вскочила на койку, прижавшись к стене, — точь-в-точь княжна Тараканова. А на подушке сидит вечный Маришкин преследователь — серый мышонок.

— Я боюсь! Чего он ко мне лезет!..

Олег Петрович бросается на помощь Марианне и, как сачком, накрывает мышонка фуражкой. Затем засовывает под фуражку руку и вынимает оттуда страшного зверя.

— Кыш! Кыш... — кричит Марианна. — Убирайтесь оба отсюда.

— Прощайте, — говорит Олег Петрович и выходит из каюты.

Железный моряк заходит к себе. Аккуратно закрывает дверь. Аккуратно вешает на место фуражку. И вдруг — первый раз в жизни — плюхается в одежде на свою идеально застеленную койку. Дрыгнув ногами, он скидывает ботинки: они летят к потолку.

— Все равно жизнь пропала... — бормочет он.

«Евгений Онегин» на всех парах несется домой.

К Василию Васильевичу подходит второй штурман. В его кителе на спине большая жже-ная дыра. Стоящий на руле Мотя тянет носом и докладывает:

— Товарищ капитан, пахнет жареным!

— Пустяки, это от меня...— говорит штурман.— Срочная радиограмма, Василий Васильевич...

Капитан расплывается в улыбке:

— Пойду, обрадую Олега Петровича. Он это давно заслужил...

Олег Петрович нервно ходит по своей каюте вперед, назад. А за ним, шаг в шаг, повторяя каждое его движение, ходит шимпанзе.

— Итак, все кончено, все погибло...— говорит старпом и берется руками за голову.

Точь-в-точь то же делает за его спиной обезьяна.

— Понимаешь, макака, — продолжает старпом, — жизнь кончена. Нет, ты скажи, откуда мне было знать, что я ее люблю, когда я был уверен, что я ее ненавижу? И вот теперь пропал, погиб, уничтожен...

Старпом разводит руками, то же самое делает обезьяна.

— Ей что я, что ты... ты, пожалуй, даже лучше... А я ведь без нее жить не могу...

Раздается стук в дверь — три удара.

— Открывай, — говорит старпом, — теперь все равно...

Обезьяна отодвигает засов.

Входит капитан.

— Так вот она, оказывается, где базируется! — восклицает капитан. — Не ожидал от вас, Олег Петрович... обмануть меня, сказать, что утопили... Нет, уважаемый, позвольте, что с вами?.. Олег Петрович.. что случилось?..

Старпом только махнул рукой. И вслед за ним махнула рукой обезьяна.

Старпом садится на койку, отворачивается от капитана к стене.

— Олег Петрович... дорогой... я снимаю все упреки, не огорчайтесь, скажите, что с вами?.. Чем вам помочь?..

Но старпом только горестно вздыхает.

— Дорогой мой, я пришел вас обрадовать. Вот радиограмма для вас... Вы восстановлены с почетом, слушайте: «Немедленно по прибытии выехать Владивосток должность капитана теплохода «Дружба»... Поздравляю, дорогой мой, вы снова капитан, и жизнь прекрасна!

— Вот именно, — мрачно отвечает старпом, — жизнь прекрасна.

Он комкает бланк и бросает на пол. Обезьяна мгновенно подбирает бумагу и отправляет ее себе в рот.

Мотя и Сидоренко влетают в каюту к Марианне.

— Маришка! Хорошие новости!

— Ну? — спрашивает Марианна без интереса.

— Олег Петрович наконец уходит! Капитаном на «Дружбу»!

— И ему хорошо, и тебе хорошо. Некому тебя будет пилить...

— «Уходит»... — повторила Марианна. — Ну и пусть уходит!.. — И заплакала.

Мотя и Сидоренко выходят из каюты, деликатно притворив дверь.

— Ты понял?! — спрашивает умный Сидоренко.

Мотя понял.

«Евгений Онегин» у причала Одесского порта. Трюмы судна вскрыты. Визжат, и скрипят, и гудят блоки порталных кранов. Возятся возле трюмов грузчики. Сетки с грузом поднимаются над «Онегиным».

От носа к корме по палубам медленно идут капитан и старпом. Железный моряк прощается с судном. Он идет, похлопывая рукой в перчатке по фальшборту.

— Да-да, Олег Петрович, я вас понимаю, — говорит капитан. — Всегда оставляешь кусочек самого себя, когда уходишь с судна... Зато вы избавитесь от неприятностей, которые вам доставляла моя племянница. Я должен перед вами за нее извиниться... Словом, желаю удачи, как говорится, не меньше трех футов вам под киль...

— А где Марианна Андреевна?

— Купается. Со своими этими... А что я могу поделывать?.. Она же теперь на «Евгении Онегине» главный человек!.. Как странно, что понадобились дикие звери и весь этот кошмар, чтобы девочка наконец нашла свое призвание... Вот вам и Песталоцци!.. Да она сейчас явится...

Марианна купается в море в обществе трех тигров. Вокруг тигриных шей обвязаны веревки, концы веревок в руке у Маришки.

Матрос Кныш, свесившись через борт, кричит ей:

— Мариш! Ты что, прощаться не будешь?

— Что?

— Олег Петрович уезжает.

— Уже? — от неожиданности девушка выпускает «вожжи».

Тигры, словно этого и ждали, быстро поплыли к берегу.

— Ты чего свою скотину распустила? — неодобрительно говорит Кныш.

Делать нечего. Маришке приходится плыть за тиграми. Но догнать их не так-то просто.

— Эй! Вы! Подождите... Что же вы со мной делаете! — жалобно кричит девушка.

Олег Петрович прощается с командой. Мужчины прощаются по-мужски, дружески, сурово похлопывая друг друга по спине, креп-

ко пожимая руку. Однако чувствуется, что все растроганы.

— Жизнь еще большая. Встретишься, — говорит капитан, отворачиваясь и сморкаясь в большой клетчатый носовой платок.

— Не забывайте «Онегина», Олег Петрович... — говорит Мотя, — и его личный состав...

— Да... личный состав я не забуду, — отвечает старпом, — а между прочим, тут кое-кого из личного состава не хватает...

— Совершенно верно, — подхватывает капитан, — вот наш укротитель диких зверей...

Старпом быстро оборачивается. Но вместо того, кого он ожидал увидеть, перед ним Шулейкин.

Он в белом халате, под навесом буфетной стойки нарезает большим ножом тончайшие колесики колбасы.

— Да я теперь, собственно, уже не укротитель, а буфетчик, вместо Марианны Андреевны.

Кок поднимает и показывает окружающим кусок отрезанной Шулейкиным колбасы.

— Маэстро!.. Вот что значит талант.

Старпом медлит, оглядывается.

Многолюдный и многоцветный пляж.

Спортивного вида молодой человек, приподнявшись на песочке, смотрит в море.

— Красиво плывут!.. — говорит он своей соседке.

— Кто?

— Вон те трое... в полосатых купальниках.

И вдруг видит: к берегу подплывают три огромных тигра.

Мгновение — и густонаселенный пляж опустел. Как будто с берега улетел пестрый ковер-самолет... Заклубились вдали лиловые, зеленые, голубые халаты, зонтики, купальники.

Остался на месте только розовый толстяк. Он крепко спит, прикрыв лицо газетой... Ритмично поднимается и опускается газета.

Тигры, отряхиваясь, выходят из воды на песочек.

За каждым из них волочится веревка от ошейника.

Перед ними песчаная пустыня, усеянная лифчиками, брюками, резиновыми ластами и перевернутыми шезлонгами.

В стороне лежит упавшая на бок тележка мороженщицы и рядом куча вывалившегося эскимо.

Один из тигров заинтересовался этой продукцией и слизывает ее. Другой довольствуется ластами. А третий обнюхивает спящего толстяка, с интересом наблюдая за тем, как поднимается и опускается от его храпа «Черноморская вечерняя газета».

Усы тигра щекочат толстяка.

— Вава, это ты?..

Он снимает с лица газету. Прямо перед ним огромная морда полосатого тигра. Тол-

стяк не вызывает абсолютно никакого удивления.

— Вечно ты мне снишься в каком-нибудь экзотическом виде, Вавочка... — говорит он и снова закрывается газетой.

Тигр раскрывает пасть, собираясь съесть толстяка, но в это мгновение подоспевшая к месту происшествия Марианна хватает веревку и оттягивает его в сторону.

А толстяк продолжает сладко спать, поднимая и опуская своим храпом «Черноморскую вечернюю газету».

Марианна тащит тигров за веревки к воде.

— Теперь я из-за вас опоздаю... И он уйдет навсегда, и я его больше никогда, никогда не увижу...

Тигры вместе с Маришкой входят в воду.

Вдали на берегу заливаются милицейские свистки.

Олег Петрович выходит из своей каюты с чемоданом в правой руке. Левой рукой он держит за лапу своего приятеля — шимпанзе. Обезьяна одета по-дорожному — в тельняшку и штаны. На голове у нее морская фуражка. В свободной руке она держит второй чемодан старпома.

Команда стоит на палубе.

Олег Петрович все еще ждет чего-то. Неловкая пауза.

— Кажется, я ничего не забыл...

— Как будто ничего, — заглянув в его каюту, говорит Мотя.

Бывший старпом еще раз оглядывается на дверь Маришкиной каюты. Больше тянуть нельзя, и он начинает спускаться по трапу...

— Олег Петрович, — понимая его, говорит капитан. — А то посидим еще, чайку попьем?

— Да нет, видно, пора. Спасибо. Пошли, макака.

Старпом с обезьяной удаляются. Машут им вслед моряки.

Марианна, тяжело дыша, поднимается на борт. Придерживая тигров, она глазами спрашивает у Кныша: где?

— Ушел, — коротко отвечает тот, — опоздала.

От проходной видна вся панорама Одесского порта — молы, причалы, суда, заросли порталых кранов. А за ними — полоска моря. Олег Петрович останавливается — в последний раз смотрит вниз на оставленное судно. И выходит за ворота. Обезьяна несет за ним чемоданы.

Мокрые тигры отряхиваются в клетках.

Марианна подбегает к борту, всматривается — поздно! Поздно! Олега Петровича уже давно нет.

К девушке подходит капитан, обнимает ее за плечи.

— Ну что ты, Маришенька? Встретитесь. Уверен, что еще встретитесь, и все у вас будет хорошо...

— Нет, дядя. Чудес не бывает. Кончено, конечно...

И, упав грудью на перила, Маришка горько зарыдала.

Капитан, вздохнув, отходит.

Цирковой буфет.

— Да, — заканчивает свой рассказ Шулейкин, — так она стояла и рыдала, и у всей команды были слезы на глазах, сам видел — вот такие слезы, хотите верьте, хотите не верьте...

— Какой печальный рассказ, — задумчиво говорит мороженщица. — Хорошо хоть, что Марианна нашла свое призвание. Ведь она стала укротительницей тигров?

— Нет, — отвечает Шулейкин, — она не стала укротительницей. И все-таки нашла тогда свое призвание...

По фойе проходит капитан «Евгения Онегина». Он останавливается возле Шулейкина.

— Здравствуйте, Василий Васильевич, — говорит буфетчик. — Пришли прямо к номеру?

— Прямо к номеру, — отвечает, взглянув на часы, капитан. — А ты тут, я вижу, травишь, как всегда...

— Что вы, товарищ капитан, я девушке чистую правду рассказываю. Очень даже самокритично в отношении своей роли...

— Ну-ну, давай трави дальше, — добродушно говорит капитан. — А вы, девушка,

слушать слушайте его, но насчет достоверности... — И капитан уходит.

— А я его узнала по вашему рассказу, хоть он, наверное, немножко постарел, — говорит мороженщица. — Сколько лет прошло с тех пор?

— Пять лет, — отвечает Шулейкин, — пять лет как одна копейка... И я до сих пор помню, как любовь дала Маришке силы броситься на тигров...

— Неужели такая любовь ничем не кончилась?.. Как это грустно... — говорит мороженщица. — Я бы его непременно нашла...

С арены доносится торжественный выходной марш.

Шулейкин выскакивает из-за стойки. Торопливо перевернув коробку конфет, на тыльной стороне которой заготовлена надпись: «Ушел на базу», — он бежит к двери, ведущей в зрительный зал. Девушка следует за ним.

На арене установлены решетки для номера с тиграми.

...В первом ряду восседают семь моряков. Тут же капитан, боцман, Мотя, Сидоренко, Кныш, кок Филиппыч и что-то жующий механик.

— А вон там, гляди... — шепчет Шулейкин. — Видишь?.. Сидят как два голубочка.

Расширившимися от любопытства глазами девушка оглядывает ряды.

— Правей, правей, — шепчет Шулейкин.

В первом ряду сидят Марианна и Олег Петрович.

— Понятно? — шепчет Шулейкин.

— Понятно... — восторженно глядя на них, шепчет мороженщица, — все понятно...

Выходной марш отгремел, но укротитель не выходит. Вместо него на манеже появляется смущенный шпрыхталмейстер.

— Уважаемые товарищи! Маленькая поддержка! Прошу извинения!.. Здесь присутствует доктор Скворцова?

Легкий шум проходит по рядам. Марианна поднимается со своего места.

— Не откажите пройти со мной, — просит шпрых, улыбаясь. — Заболел артист...

Конюшня цирка наполнена тигриным ревом. Большой тигр, сидя посреди клетки, открывает пасть, машет в воздухе лапой и недовольно мотает головой.

Укротитель — солидный мужчина в роговых очках, малиновой косоворотке и сафьяновых сапожках — бросается к вошедшей Марианне.

— Марианна Андреевна, дорогой наш звериный доктор... на вас вся надежда.

Надев халат, Марианна входит в клетку. И тигр сразу успокаивается.

— Ну что ты, глупенький? — журит его Марианна. — Подумаешь, зубки болят. Сейчас все пройдет!..

Тигр разевает огромную пасть. Марианна наполовину скрывается в ней со своими инструментами. Зверь мычит, но терпит операцию.

Окружающие, затаив дыхание, следят за тем, что происходит в клетке.

— Все! Вот какая была занозина!

Марианна появляется из тигриной пасти и показывает зверю нечто зажатое пинцетом.

— Косточкой занозил... Ничего, до свадьбы заживет!..

Она ласково треплет тигра за ухо, а он лижет ее руку.

Оркестр снова играет выходной марш. Марианна пробирается к своему месту. Зрители равнодушно дают ей проход.

И только продавщица мороженого не может отвести восторженного и чуть завистливого взгляда от маленькой храброй женщины.

— А я тоже кем-нибудь буду, — вдруг говорит продавщица. — Вот возьму и пойду осенью в техникум. Честное слово!

Укротитель уже без очков, но с шамбарьером шествует во главе своей труппы.

Пылают в проходе огненные обручи. Звери по очереди прыгают сквозь пламя и оказываются на манеже.

Завидев Марианну, все они, как по команде, поворачиваются мордами в ее сторону и приветственно режут.

Капитан Василий Васильевич привычным и обреченным жестом затыкает уши.

Марианна и Олег Петрович, улыбаясь, смотрят друг на друга...

Гремит марш. Слышится рев тигров.

ФИЛЬМОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Студией «Ленфильм» в 1961 году по сценарию А. Каплера и В. Конецкого поставлен фильм «Полосатый рейс».

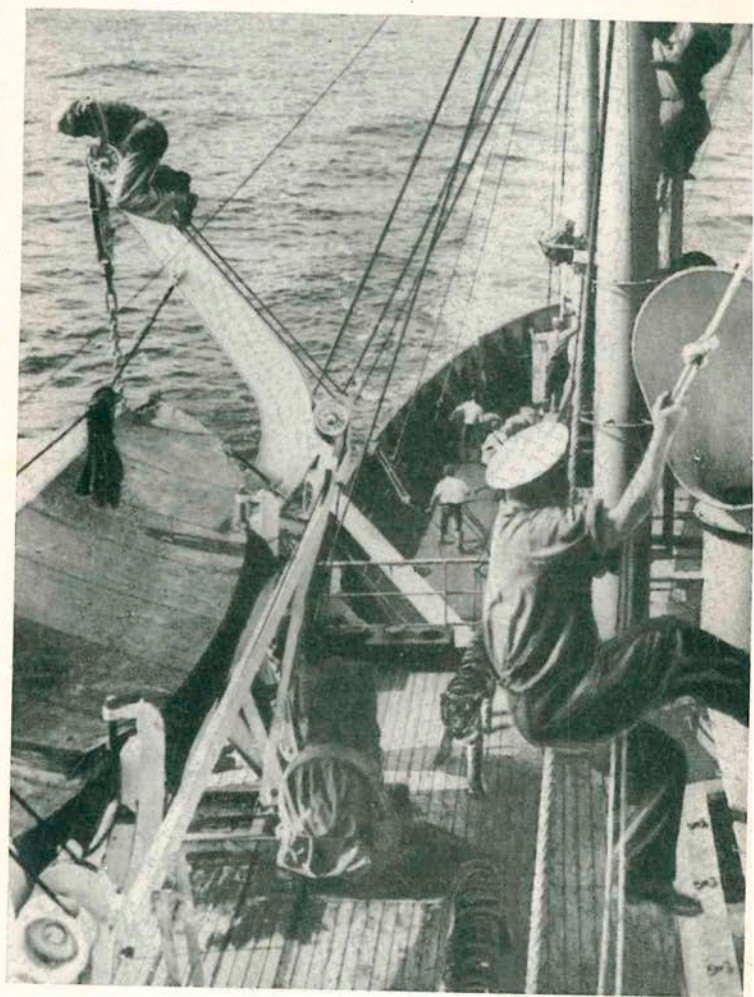
Режиссер-постановщик — В. Фетин. Оператор — Д. Месхиев. Художник — А. Рудяков. Композитор — В. Баснер. Звукооператор — А. Шаргородский.

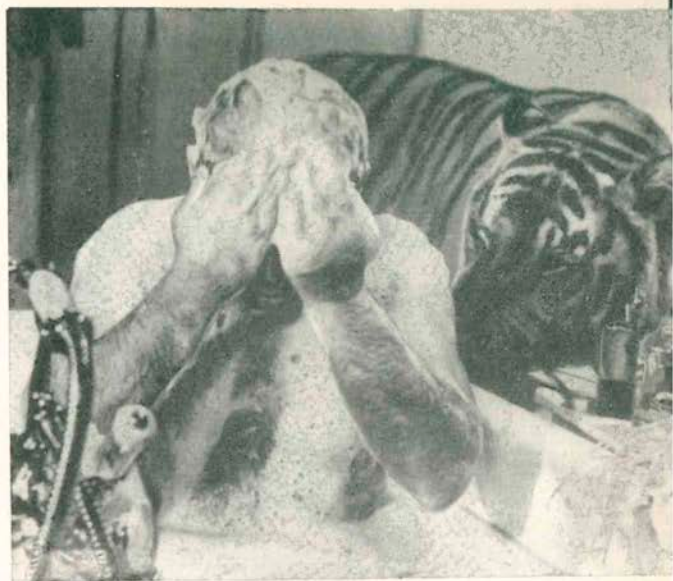
В ролях:

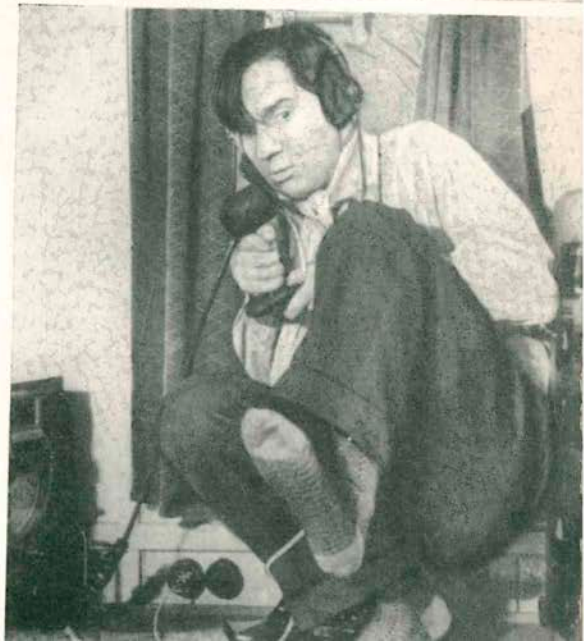
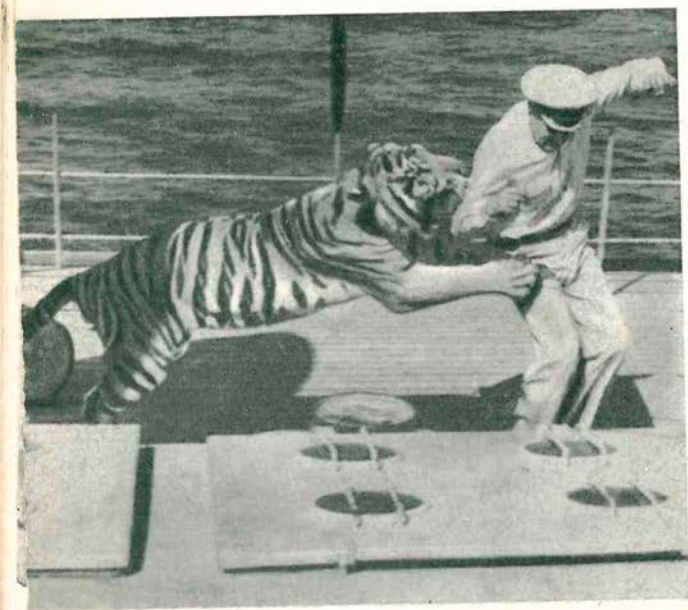
Капитан — А. Грибов, старпом — И. Дмитриев, Марианна — М. Назарова, Шулейкин — Е. Леонов, боцман — В. Белокуров; матросы: кок — А. Трусов, Мотя — В. Сирин, Кныш — А. Смирнов, радист — А. Кожевников; агент — Н. Волков, укротитель — А. Бениаминов.

КАДРЫ ИЗ ФИЛЬМА

Алексей Яковлевич Каплер
Виктор Викторович Конецкий

ПОЛОСАТЫЙ РЕЙС

Редактор *А. Назарова*
Оформление художника *А. Клементьева*
Художественный редактор *Г. Александров*
Технический редактор *М. Перегудова*
Корректор *Р. Панфилова*

Подписано в печать 6/VII 1961 г.
Сдано в производство 13/VII 1961 г.
По оригинал-макету
Форм. бум. 70 × 90^{1/32}. Печ. л. 3,25 (условных 3,8)
Уч.-изд. л. 3,449. Тираж 11 000 экз. Изд. № 15401.
Зак. 609. А06882

«Искусство», Москва, И-51, Цветной бульвар, 25
Московская типография № 8
Управления полиграфической промышленности
Мосгорсовнархоза
Москва, 1-й Рижский пер., 2

Цена 19 коп.

